

КРИСТИНА РОЙ

*Библейские
характеры*

Рассказы

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82.31:27.29
ББК 84(4Сла).44
Р65

Перевод со словацкого

Kristína Royová
«Biblickí postavy»

Рой К.

Р65 Библейские характеры / Пер. со словацкого. — К.: «Свет на Востоке», 2008. — 128 с.: ил.

В книгу вошли рассказы по мотивам библейских сюжетов. Читатель познакомится с известными библейскими персонажами: Нееманом Сирийским, царицей Савской, женой Лота, Авигеей Кармельской.

УДК 82.31:27.29
ББК 84(4Сла).44

Изд. № 01.463
ISBN 978-966-2089-06-6 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-49-2 (Герм.)

© УМО «Свет на Востоке», 2008

Содержание

Нееман Сирийский	5
Царица Савская	23
Жена Лота	47
Авигея Кармельская	77
Чистое сердце	113
Примечания	120

Нееман Сирийский

Мраморные колонны великолепной летней резиденции были увиты буйной зеленью, полы устланы узорчатыми коврами, над головой раскинулся купол — блеск и позолота. В этой резиденции на закате дня восседал на мягких подушках молодой мужчина. Локтем он опирался на низенькую подставку, а голову подпирал ладонью. С его длинными, падающими на плечи волосами играло солнышко — казалось, ему нравился этот человек. И неудивительно: стройный стан в богатой одежде, подобающей знатному воину, благородное лицо, величественные манеры — все говорило в его пользу.

Слуги и стражники, прогуливающиеся непода-

леку, бросали на молодого человека почтительные и ласковые взгляды. Ведь он был царским любимчиком, героем, витязем, одержавшим победу в жестоком бою и освободившим свой народ. И этот народ теперь осыпал его почестями и благодарностью. Имя воеводы Неемана Сирийского произносили с уважением и во дворцах, и в хижинах. Да, это был благородный и достойный муж!

Ах, но сейчас, когда сидел он и отдыхал от дневных забот, на лице его застыла отчаянная тоска. Люди видели только его славное прошлое, но он думал о страшном будущем. Нееман знал: все, что есть у него, потеряет он в скором времени, и ничто не защитит его от горькой участи — болезни, которая таилась в его теле и несла с собой постыдную смерть.

Тихо отворилась дверь, и в комнату проскользнула молодая женщина. Наряд из белого шелка, в волосах — диадема, на шее и запястьях — жемчуг, подчеркивающий их совершенство. Красива она была, как нежный цветок. И при этом печальна. В ее дивных черных глазах блестели слезы. А печалилась она о муже — на него смотрела, к нему подошла, ласково прильнула к его груди.

Кого не утешило бы такое проявление любви?! Его тоже оно утешило, но в следующее мгновение, он оттолкнул от себя ее руки.

— Неeman! — горестно вскрикнула женщина.

Не желая видеть боль в ее глазах, мужчина закрыл лицо ладонями.

— Сколько раз, — простонал он, — сколько раз я должен повторять тебе ужасную правду о том, что я болен? Уходи, не приближайся ко мне, это опасно. Зачем ты вновь и вновь вводишь меня в искушение? Разве ты еще не поняла, какую жгучую боль причиняешь мне? Ведь я не смею обнять тебя — тебя, мою единственную любовь!

— Почему не смеешь? — заплакала женщина. — Я не боюсь тебя. И останусь рядом, когда все тебя бросят. А заражусь — умрем вместе. — И она порывисто бросилась на шею мужу и осыпала поцелуями его щеки и губы.

Он молча сомкнул глаза: ах, как страшно было думать, что и ее — ее! — он тоже должен потерять. Пока его тело покрывали только мелкие белые болячки, он еще мог позволить себе находиться среди людей. Еще мог повелевать, дышать с ними одним воздухом. Но уже завтра могли открыться

раны, и тогда ему придется уйти. Потерять славу, дом, жену, жизнь.

Его тело начнет гнить, и никто не будет ухаживать за ним, никто не попытается излечить. Никто не утешит. Его станут обходить стороной. О, почему он не умер от ядовитой стрелы — тогда, гордой смертью на поле боя? Его бы с почестями положили в гроб и похоронили, как героя. А теперь никто не узнает, как закончил свою жизнь прославленный полководец Нееман Сирийский.

Когда еще существовало горе, подобное этому? И та, что была единственной утехой для глаз и единственной отрадою сердца Неемана, тоже чувствовала его боль. Так мог ли он допустить, чтобы этот нежный цветок сгнил по его вине заживо? Мог ли слышать ее стоны? Нет, и еще раз нет! Нееман понимал: жена его не покинет — она приняла решение и будет настаивать на нем до конца. И он во что бы то ни стало должен это предотвратить.

Нееман мужественно преодолел свое отчаяние, лицо его прояснилось. Он притянул жену к себе и попытался утешить. Хотя бы так. Хотя бы сегодня.

Пришло время ужина, и молодая женщина поспешила на кухню отдать распоряжения, а ее муж стоял, смотрел ей всле́д, скрестив на груди руки, и вел изнурительный бой с самим собой.

Наконец Нееман решился: завтра же он попросит куда-нибудь его послать. Получив приказ, он отдаст последние распоряжения — и уедет. Уедет, вместе со своей болезнью ото всех и от нее, любящей жены, навсегда.

В сердце мужчины царил мрак, и был он беспрощетнее той тьмы, что окружала отважного воина в эту минуту — ведь на землю уже опустилась ночь. Несчастный не знал Бога, который шел бы с ним рядом. Не было у него надежды на загробную жизнь, он понятия не имел о вечности. Нееман мог думать только о том, что он, такой сильный, богатый, мужественный, вскоре издаст последний крик, которым закончится все, все, все...

В этом тяжелом бою у великого воина был только один свидетель — маленькая девочка. Она позвала его ужинать, а потом еще долго стояла на месте и смотрела всле́д своему доброму господину, жалостливо качая головой. Нееман был ей хоро-

шим хозяином. Когда сирийцы вторглись в земли ханаанские¹, малютка попала к ним в плен; Нееман выкупил ее и привез жене. Девочка очутилась на чужбине, далеко-далеко от земли предков, от храма Божьего, но в сердце ее неугасимым огнем пылала вера в живого Бога. Знала она, как убивается госпожа над своим мужем. Знала, что хозяева нанимали лекарей и поклонялись богам, которые — о, как хорошо понимала это маленькая служанка! — не могли им помочь. Знала, что там, дома, на родине, живет человек, полный Духа Божьего, человек, который является Его пророком; он может вылечить больного, ибо дал ему Господь для этого силу. И сделал Он это, чтобы доказать: Он и есть единственный живой Бог.

В тот же вечер, когда хозяйка осталась одна, села девочка к ее ногам и пламенно поведала ей о пророке Божьем из Самарии², о человеке, который сумел бы излечить ее господина, если бы тот к нему приехал.

Никто не мог помочь жене Неемана — ни люди, ни боги. Все оставили ее. И кто бы усомнился в том, что она судорожно ухватится за соломинку, протянутую ей маленькой служанкой!

Несчастной было нечего терять. А что, если ребенок говорил правду и пророк излечит ее мужа? И тот Господь окажется таким могущественным Богом? О, тогда она спасла бы своего возлюбленного супруга.

На земле царилась ночь. Можно только представить, сколь долго пришлось уговаривать бедняжке мужа — в конце концов тот согласился.

Наутро Нееман предстал перед царем, без утайки поведал ему о своей горе и сказал, что хочет испробовать последний способ, а если ничего не получится, он навсегда покинет город.

Опечалился царь, и слуги его опечалились. Тяжело было терять героя, на которого всегда могли положиться воины. Но подарила им всем лучик надежды девочка-чужестранка. Слышал повелитель Сирии³ о великих делах Господних, и решил он, что Неману стоит попробовать. Обласкал он своего любимца, дал ему свиту и написал письмо царю израильскому в Самарию. Собрал ему дары богатые и попросил в послании: «Как только получишь это письмо, тотчас исцели Неемана».

Как вы думаете, почему он написал подобную чепуху? Ведь девочка рассказывала о пророке,

который мог вылечить ее господина, а не о царе израильском. А потому что повелитель Сирии решил: «Излечить его может Господь, а раз царь израильский в Него верит, значит, может это сделать».

В пути зародилась в сердце Неемана жажда жизни. До чего же хорошо было бы исцелиться! Он даже начал верить в это. Но какое разочарование! Их встретили радушно, с почестями, положенными такому герою, но когда царь прочитал письмо, он очень удивился: «Разве я Бог, чтобы мочь умертвить или оживить?»

Надежда Неемана погасла. Если даже Господь не в силах выручить его, стало быть, нет на земле ханаанской чудодейственного снадобья!

И тут появился посланец пророка. Принес он вести Нееману. И только тогда вспомнил страдалец: девочка-то его посылала к пророку Божьему! Вскочил он тотчас на ноги, поднял свиту и помчался навстречу исцелению.

Он снова верил в чудо. Вот выйдет, представлял великий воин, к нему навстречу муж, возложит руку на его больное тело, призовет Бога и вылечит его, Неемана.

И достиг он дома пророка Елисея.

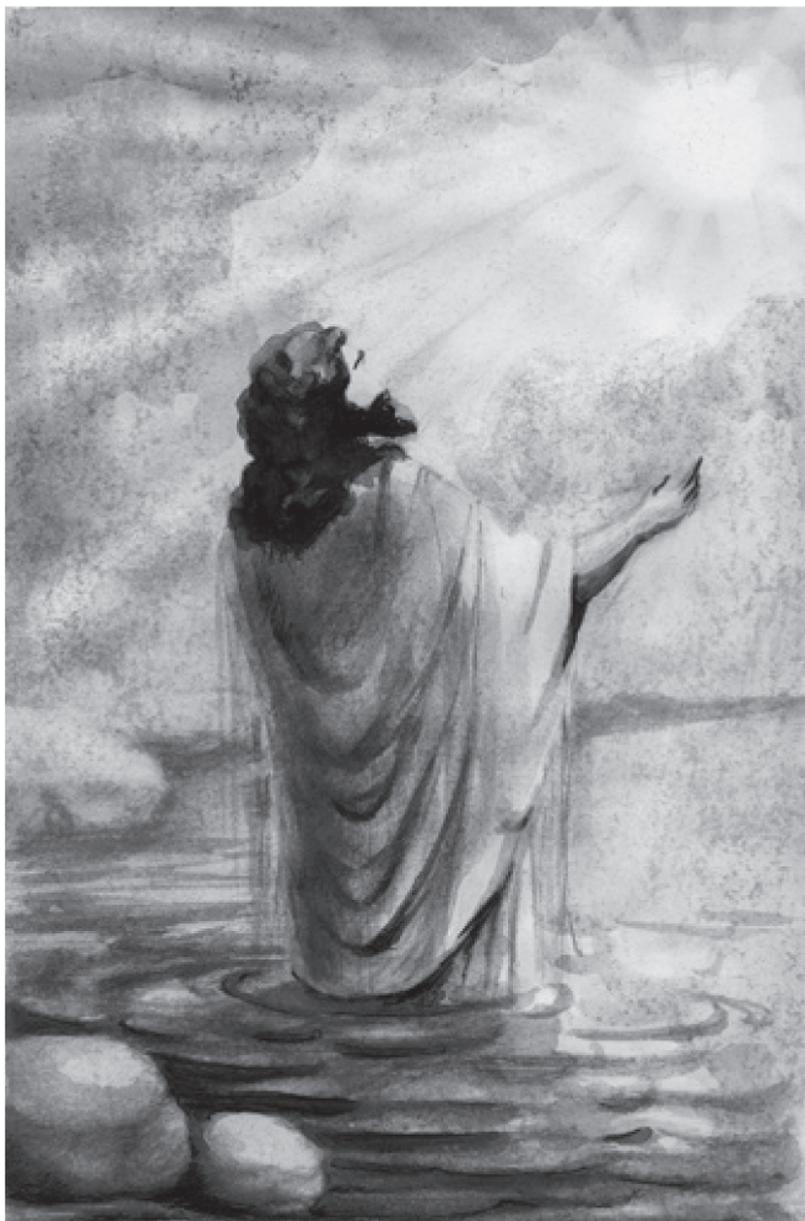
Сойдя с колесницы, приблизился Нееман к дверям и остановился, ожидая, когда муж Божий выйдет к нему навстречу.

Дверь распахнулась, и на пороге появился посланец Елисея. И принес он такую вестъ: «Говорит тебе пророк, чтобы шел ты к Иордану⁴ и семь раз омылся в его водах. Тогда будешь исцелен».

Бледное лицо Неемана покраснело от злости и унижения. Никто так с ним не обходился! Неужто, пророк настолько невежлив, что не мог сказать ему это сам? И с чего бы это ему купаться в Иордане, будто в Аване⁵ или Фарфаре⁶ — реках дамасских, — чем эта вода отличается от вод иорданских?!

Отказался Нееман от совета и в великом гневе уходить собрался. Но тут бросились к нему слуги: «Что бы ни посоветовал тебе пророк, исполни это. Если хочешь исцелиться, ступай к Иордану! Ведь не ведаешь ты, что случится, а если не пойдешь, своей рукой уничтожишь последнюю надежду! Иди же, иди!»

И еще раз согласился Нееман и пошел. Исполнил он наказ пророка, семь раз окунулся в воды

Иордана и — кто опишет словами его радость? — почувствовал, что здоров. Болезнь ушла — в его жилах текла новая кровь, он обрел новую жизнь. Что не смогли сделать воды дамасские, сделали воды Иордана. Что не смогли свершить мертвые боги дамасские, свершил живой Бог, Господь милосердный, и не понадобился Ему для этого посредник.

Понял Нееман, почему не вышел к нему Елисей. Понял, что не пророк, а Господь даровал ему жизнь новую. Счастливый вернулся он к Елисею, переступил порог его дома, поклонился и перед всеми присутствующими там людьми признался: «Понял я, что нет Бога на всей земле, есть только в земле израильской». И попросил хозяина дома принять от него дары. Предлагал их Нееман от чистого сердца, но Елисей ничего не взял. Ведь не он исцелил больного. Все варварские священники принимали мзду, каждая молитва оплачивалась. Но Нееман должен был осознать, что Господь не требует никакой платы за деяния свои. Не может человек купить милость Божью. Последняя гордыня Неемана была сломлена — уяснил он, что не может заплатить за исцеление. И по-

просил тогда великий воин земли ханаанской — вознамерился он дома поставить алтарь Господу и служить только Ему. Правда, тут Нееман вспомнил, что он — верный слуга своего царя, и когда тот пойдет поклоняться их богу, придется и ему то же сделать. Признался он в этом пророку и просил простить его за то, что не в силах он отказать от обычаев земли своей.

— Иди с миром, — ответил ему Елисей, — Господь не ждет от человека больше, чем тот может Ему дать.

И вернулся Нееман Сирийский домой здоровый и счастливый. Перед ним теперь была вся жизнь — ждали его ратные подвиги, счастье; не боялся он более прижать к сердцу горячо любимую жену. Но самое главное, отныне он мог жить с Господом в сердце, ведь узнал он Истинного Бога, который мог исцелить, а мог и наслать болезнь. Узнал он и вечную жизнь, смертью не заканчивающуюся. Из его дворца, откуда раньше до ушей людских доносились только грустные вздохи, теперь несло радость:

«Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и

величием; Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер; устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра. Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий» (Пс. 103:1–4).

Давайте подумаем над этой историей, изложенной в Библии, во Второй книге царств, пятой главе. Она показывает нам силу Господа.

Нееман не знал Его, но Он знал Неемана. Легендарный воин в своем великом несчастье не просил помощи у живого Бога, но Он послал к нему маленькую вестницу, на которую сам Нееман никогда бы не обратил внимания.

Не знал Нееман, что заболит такой страшной болезнью, Господь знал. И еще тогда, когда был Нееман здоровым и сильным, Он побудил его купить верующую девочку израильскую. Вынужденная жить на чужбине, бедняжка плакала и горевала; она не догадывалась, что в эти дальние земли ее направил Всемогущий. Тот, в Кого она верила и на Кого надеялась, послал ее спасти от страшной смерти великого и славного мужа. Ис-

пробовав всяческие снадобья, Нееман пошел искать помощи у пророка Божьего, а Господь ждал его, чтобы душевно и телесно исцелить.

«Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5:8).

Бог любил тебя давно, еще до твоего рождения. О, как Он тебя любил! Так, что Сына своего единственного отдал, чтобы избавить от еще большей напасти, чем та, что постигла Неемана. Эта напасть зарождается в душе и зовется грехом. Какой у тебя есть грех, читатель, я не ведаю — это знаешь ты, и знает Бог. Ведь Он видит и слышит все, чтобы было от твоей колыбели и до сегодняшнего дня.

И на всем белом свете нет лекарства против этой болезни — ищи, где хочешь, проси, кого хочешь, советуйся, с кем хочешь. Отпущение грехов и освобождение не сможет дать тебе ни одна Церковь, ни один священник. Ни одна река не потушит огонь, пылающий в душе и зажегшийся от греха.

Удрученный недугом человек не мог от него избавиться. Если бы ему отрезали руку, начала

бы гнить нога, и так и продолжал бы он гнить до смерти, поскольку сидела в нем болезнь. Так и грех — забудешь об одном, прирастет новый.

А ты, читатель, может, и захочешь жить иначе, но прошлое, прошлое! Разве можно забыть о нем? Точит тебя неумирающий червь: в вине, в танце, в прекрасной и безобразной роскоши — везде он. Ты посещаешь театр или сам выходишь на сцену... И даже когда придешь в себя и отринешь скверну, увидишь, как глубоко она проникла в твою плоть и кровь. И червь по-прежнему точит и точит тебя. А это больно.

Скроешься там, где тебя люди не знают. Начнешь новую достойную жизнь, но не будет покоя и там. Потому что больной останется больным, даже если убежит на край света, а грешник останется грешником. Человека хворого даже на краю земли ждет смерть, и грешник все равно понесет наказание.

«Ибо вот, все души — Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои: душа согрешающая, та умрет» (Иез. 18:4).

«И как человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27).

Больной распространяет заразу, грешник же, подобно такому больному, отравляет все вокруг себя.

О, Нееманы нашего мира, дадите ли вы очистить себя и исцелить? Хотите прийти к небожителям такими, какие вы есть? О, это невозможно!

Тело Неемана Сирийского, вышедшего из Иордана, было похоже на тело младенца. Он родился заново.

«Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3).

Нееман был хорошим человеком, великим полководцем, бесстрашным воином, героем, любимцем царя — и что? Разве это ему помогло? Он был болен, его ждала мучительная смерть. И если бы не послушался он гласа Божьего, приказывающего ему устами пророка, и не искупался бы в Иордане, то люди выгнали бы его — его такого замечательного! — с глаз долой.

И тебе не поможет то, что ты хороший полководец, что уважаем в семье, занимаешь прекрасное место церкви или в миру, что являешься хорошим мужем, женой, отцом, матерью, сыном,

дочерью. Если не родишься заново и не будет грех смыт с тебя, прогонят тебя из Божьей семьи и никогда не увидишь ты царство Божье.

Только одна река способна очистить твоё тело и душу: она вытекает из скалы, имя которой — Христос. Там, на Голгофе, сердце Сына Человеческого, за твои грехи умершего, источало кровь и воду. Кто в этом ручье сердце умоет, тот навсегда останется чистым.

Господь наш Иисус может не только отпустить грехи, но и очистить того, кто придет к Нему, и подарить ему новую жизнь. Нееман исцелился и очистился, потому что поверил и пошел к Иордану и погрузился в воды его. И вы можете стать чистыми навсегда.

«...сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23:37).

Когда больного изгоняют, он теряет свой дом, а если Бог, которого ты не признал, погрязнув в гордыне, призовет тебя к Себе, твой дом опустеет навеки.

О, придите к Иисусу, пока не поздно!

Царица Савская

«Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками.

И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла к Соломону и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце» (3 Цар.10:1–2).

Садилось солнце. Ласково освещали землю его лучи. В багряном золоте заката мир казался еще прекраснее. Дети этой страны — когда теряли свою, кроваво-красную от вечерней зари землю —

тосковали по ней так, что и не выразишь словами. И не было для них на белом свете места, могущего заменить ее.

Солнечный свет коснулся высоких Ливанских гор⁷, поцеловал могучие кедры, равных которым ныне уже и не найти. Словно в зеркало, заглянуло солнце в Тивериадское озеро⁸, поиграло в водах Иордана, окунулось в печальные глубины Мертвого моря⁹. И наконец, точно оставив самое дорогое напоследок, озарило славный город Иерусалим, безмятежно раскинувшийся на холмах, — его стены, крыши домов и роскошных дворцов, возведенных у подошвы Масличной горы¹⁰, заросшей сребролистыми оливами. Стены храма и величественные царские чертоги, что располагались неподалеку от него, зарозовели в закатных лучах солнца.

Возле храма царила суета. Сотни очей были обращены к нему. Там, от алтаря Великого Бога возносился к небу дым. Это курился зажженный к вечерней молитве ладан. Молились за царя, князей, за весь народ. Могучий звук труб, нежнейшие голоса арф сливались голосами людей, славящими Бога:

«Хвали, Иерусалим, Господа; хвали, Сион, Бога твоего, ибо Он укрепляет веревы ворот твоих, благословляет сынов твоих среди тебя; утверждает в пределах твоих мир; тучою пшеницы насыщает тебя; посылает слово Свое на землю; быстро течет слово Его; дает снег, как волну; сыплет иней, как пепел; бросает град Свой кусками; перед морозом Его кто устоит? Пошлет слово Свое, и все растает; подует ветром Своим, и потекут воды» (Пс.147:1–7).

Караваны, входящие в городские ворота, невольно останавливались. Не одна голова поворачивалась в ту сторону, откуда доносились эти волшебные звуки. На минуту забывали купцы о земных заботах и тяготах. Их души обращались к Великому Богу, который воздвиг этот чудесный город — город, чье имя знали во всех уголках земли. И не столько из-за красоты и грандиозности — были на земле города и красивее. Взять хотя бы морские жемчужины — Тир¹¹ и Сидон¹². Нет. Иерусалим был славен своим мудрым правителем.

Царь этого города, подобен был дивному бриллианту, сияние которого освещало самые далекие

земли. Имя Соломона передавалось из уст в уста с глубоким почтением, достойным великого человека.

А во дворце повелителя, напротив мирты, фиговых, мандариновых и апельсиновых деревьев, сидела стройная и прекрасная дочь Нила, жена Соломона. Одета в платье из белого шелка, обутая в сандалии с золотой шнуровкой, молодая женщина в задумчивости подпирала рукой голову; на шее и запястьях владычицы мерцал жемчуг. Золотистая вуаль закрывала лицо царицы, темные волосы падали на плечи, делая ее похожей на величавого черного лебедя.

В великом смятении смотрела царица на неожиданных гостей: по улице, ведущей к дворцу, медленно шел караван. И этот караван отличался от всех прочих. Судя по большому количеству воинов, охранявших его, и почестям, воздаваемым его хозяину, в Иерусалим прибыли купцы из краев, о которых в Ханаане и слыхом не слыхивали.

Впереди каравана гордо вышагивал белый слон — на его спине стояли носилки из шелка, украшенные самоцветами. И даже попона слона была так хороша, что описать невозможно! Блеск

рубинов, сапфиров и изумрудов, которыми она была усыпана, слепил глаза. Но кого скрывает великолепный балдахин? Кто идет в Иерусалим в сопровождении войска?

О, это пришел караван из солнечной Аравии¹³, земли красок и благовоний. Волшебных цветов и быстрокрылых птиц, стройных дев и благородных мужей. Это дети Нубии¹⁴, это они с надеждой обращают свои горящие взоры к царским чертогам!

Но вот отворились ворота, и вскоре все обитатели дворца знали — это царица Савская прибыла к царю Соломону. И привезла с собой дары, которых в Ханаане доселе не видывали.

Сказала слова приветствия славная дочь фараона, дитя Нила и счастливая жена Соломона, великой владычице Аравии. И увела ее в свои покои; а тем временем весть о странной гостье разнеслась по Иерусалиму. Спрашивали друг друга люди: зачем она приехала, что понадобилось богатой и мудрой царице от их повелителя?

Лишь одна книга рассказывает нам эту стародавнюю историю. Не много слов содержит она, но и тех хватит, чтобы глубоко задуматься.

Сколько же поучительного для людских сердец

можно почерпнуть из этой истории! Написано там:

«Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками» (3 Цар. 10:1).

Если мы хотим понять чей-то поступок, для начала надо выяснить, что побудило человека совершить его. Давайте же задумаемся над тем, что заставило царицу Савскую отправиться в дальний путь.

Женщина, которая могла принести с собой в дар сто двадцать талантов¹⁵ золота, алмазов, рубинов, изумрудов и великое множество других драгоценных камней, должна была быть владычицей богатой и могучей страны. А то, что к этому дару она добавила благовония, масла, краски — которых жители Иерусалима с той поры больше никогда не видели в таком количестве — свидетельствовало о том, что пришла она из земель, где красота Божьего творения достигла наивысшей ступени.

Куда бы ни падал взор этой женщины, видела она лишь несравненную красоту. Каждый вечер засыпала царица, вдыхая волшебные запахи, источаемые роскошной природой.

Никто не ведает, сколько поколений насчитывала династия, к которой принадлежала царица Савская. И не было в те времена у ее державы ни одного грозного неприятеля...

Ах, на силе, несметном богатстве, на благодатной природе и огромной славе держались те земли! Там всего было вдоволь, ни в чем не знала царица нужды, разве что птичьего молока ей не хватало. Однако ж ходила она по своему великолепному дворцу с поникшей головою и печалью в сердце и задавала себе вопросы, на которые не находила ответа. Ведь все — абсолютно все — воды озер, цветы белых лилий, далекий блеск звезд, чарующий свет полной луны, ясное солнце, сладкозвучное пение птиц — все, будто намекало ей на то, что она должна что-то знать. Кого-то должна знать. Но что? И кого?

Царица купалась в золоте, народ воздавал ей почести, к ее ногам ложились военные трофеи... На минуту забудет она о терзаниях своих, забьется гордо ее сердце, человеческое сердце! Но радость быстро угасает, как искра, а печаль останется.

Может, утешат ее беседы с богами? И ставят во дворце алтари. Приносят жертвы. Напрасно!

Годы, целые годы пролетают, но не находит царица утешения!

Пробуют развеселить свою владычицу слуги. Развлекают ее былями и небылицами. Иногда удается им утешить царицу, иногда — нет.

И искали царедворцы по всей стране людей, которые могли бы усладить слух повелительницы какими-нибудь интересными новостями.

И вот как-то раз пришел в Савские земли торговый караван из далекой страны. Привез товар в обмен на золото. И поведали купцы горожанам о молодом царе израильском и великом городе Иерусалиме. Но особенно охотно рассказывали торговые люди о владыке своем Соломоне, о его необыкновенной мудрости, а еще о храме, который построил он живому Богу, Богу неба и земли.

Привели придворные караванчиков во дворец — пусть развлекут царицу!

И так случилось.

О, как жадно она им внимала! До чего же велик, верно, царь, которого любят все подданные без исключения! И эти купцы уже не молоды! Убеленные сединами мужи, не какие-то там юнцы. И они — сыновья свободной земли, целиком при-

надлежащей Богу! Ее даже продавать нельзя. Каждые пятьдесят лет тот, кто задолжал казне, может получить назад свою землю. Долги такого человека прощаются.

А каков должен быть царь, если дали ему имя Любимец Господень? Ведь Бог так любит Соломона, так любит, что однажды ночью сам явился ему и сказал, что выполнит любое его желание. Все, что захочет, даст ему. Соломон пожелал мудрости. И Бог исполнил его просьбу! Но пообещал и богатство, и славу, и долгий век жизни.

Слушает царица чужестранцев и не может их послушаться. А купцы наперебой рассказывают ей о том, какой храм возвел Соломон — величественный, прекрасный, — и о том, что все детали храма и украшения его изготовили за пределами Иерусалима. Сделанное мастерами тихонько привезли в город и так же тихонько установили на нужном месте — люди не слышали ни звука топоров, ни шума стройки.

Только наутро увидел народ храм. А еще узнала повелительница, что в этом храме за завесой стоит ковчег завета, к которому никто, кроме первосвященника, подойти не смеет — ведь является туда

сам Господь. Слава и деяния Его наполняют тот храм.

А царица все слушает и слушает, и зреет в душе ее решение: «Поеду в Ханаан, познакомлюсь с Соломоном, увижу храм живого Бога. Ах, в Иерусалим, в Иерусалим! Пустите меня в Иерусалим! Там я узнаю правду!»

Ужаснулись царедворцы, ужаснулась родня. Отговаривают, в ногах валяются, молят, говорят о том, сколь утомителен, не близок и опасен путь, но она твердо стоит на своем. «Отпустите меня! Соломону дарована мудрость Божия, я хочу встретиться с ним. Может, он объяснит мне, отчего печалюсь. Может, найдет ответы на мои вопросы — от наших мудрецов толку не добиться. А вдруг его живой Бог даст душе моей покой, который не дали наши боги?»

И отпустили ее. Снарядили в дорогу, собрали войско для сопровождения, приготовили подарки, достойные великого повелителя. Примкнули к каравану купцов из Ханаана и отправились в город, куда стремилось сердце царицы Савской. Так и пришли в Иерусалим.

На следующий день отворился тронный зал

Соломона. Воссел царь на свой львиный трон, подобного которому не было ни у одного правителя. Мы не знаем, как в те времена приветствовали друг друга владыки земные. Понятно только, что иначе, чем сейчас. Но, думаю, сначала слуги гости преподнесли Соломону драгоценные дары. А потом, надо полагать, завязался разговор между двумя великими повелителями. И не было никаких загадок, якобы загаданных царицей Соломону. Не была она той Сивиллой¹⁶, которой ее пытались нам представить. Ах, нет! Загадала она лишь одну загадку — загадку собственной жизни. И все, что хотела, — спросила.

Как больной описывает врачу свой недуг, так описывала царица Савская то, что творилось у нее на душе. А если желала показать, что ее мучает, прикладывала руку к своему бедному истрадавшемуся сердцу, которое не могли излечить никакие красоты Аравии. Соломон отвечал на все ее вопросы. Он находился в тот момент в единении с Богом и был наполнен мудростью Божьей и знанием сердец человеческих.

И поняла царица, что то неведомое, о чем она дома горевала, и что так жаждала узнать, был

святой живой Бог Соломонов. И что, кроме Него и над Ним, нет иного Бога. Что Он и есть Добро, к которому стремится каждая бессмертная душа, ведь от Него же она и приходит в этот мир. Что грех разделил ее, царицу, с Господом и правдой, а ее печаль — это возвращение к Его святым ногам. И лишь оно спасет ее.

Все яснее и яснее становилась на душе у царицы, и еще много дней оставалась она в Иерусалиме. Да, много дней! А между тем корабли царя Тира привезли в Иерусалим бревна, и по приказу Соломонову возвели горожане ограду у храма Божьего, а еще смастерили арфы и лютни для славного храмового хора. И было то такое дерево, которого доселе не видывали!

Слушала царица пение арф и лютней на вечерних молитвах и душа ее обретала то, чего не хватало ей.

И когда просветлела душа царицы, когда вернулась эта грешница к Богу, который мог очистить ее, признала она Господа и дала обет, а Он, в любви своей несказанной, принял его. Пожалел Он великую мира сего, как пожалел жену Авеля, и принял на себя все грехи ее и исцелил ее страж-

душнее сердце. И вернулась к царице радость, а в сердце поселился покой. Глаза несчастной раскрылись, и увидела она то, что окружало Соломона.

Она дивилась мудрости, сквозящей в каждом поступке Соломона, осматривала его роскошный дворец, вкушала пищу, которой кормили придворных — этих счастливцев, что могли жить близ царя, нежиться в лучах его доброты и упиваться его щедростью.

О, как жадно она разглядывала слуг и служанок, садящихся и встающих по царскому приказу! Соломон облачал их в великолепные одежды, в пурпур, золото — каждый из них сошел бы за царского сына или дочь. Ах, эти люди не знали, что такое нужда!

А когда снова вышла царица на балкон, заметила, по каким ступенькам шествует Соломон и его свита к дому Божьему — под ними лежал Иерусалим, по правую руку высился прекрасный храм.

Обратила царица лицо свое к Соломону, прижала руки к груди, дотронулась до лба и губ в знак великого уважения и сказала те самые памятные слова: «Вести о тебе, что слышала я на родине, о

мудрости твоей и делах твоих, правдивы были. Казалось мне это невозможным, не хотела я в это верить. Сама пришла, чтобы взглянуть на все своими глазами. А сейчас вижу — даже половины не рассказали мне люди. Превзошел ты мудростью своей то, что я слышала. Будь славен Господин твой, Бог твой, который тебя мудростью благословил и на трон посадил! Это — доказательство того, что любит Господь Иерусалим, раз уж сделал тебя царем, чтобы вершил ты справедливый суд и творил правду».

Так, довольная тем, что не обманулась в своих надеждах, насыщенная правдой, просветленная мудростью, вернулась царица к жизни и засобиралась домой. Все, чему она научилась в Иерусалиме, что услышала и увидела, вознамерилась донести повелительница Счастливой Аравии до своих подданных ради блага их. Но не дали ей уйти просто так! Преподнес ей Соломон поистине царский дар — все, на чем задерживался взгляд гостыи, все, чего она ни пожелала (если было то в его власти), дал ей царь.

Нежданно-негаданно прибывшую в Ханаан царицу никто не встречал, а вот прощались с ней

уже так, как подобает. Весь город провожал ее караван. И царь Соломон тоже. Вышли все за ворота Иерусалима и смотрели вслед уезжающей гостье и ее войску до тех пор, пока не скрылись они из виду. Из храма доносилось пение. Благовония кадил, жар жертвенников поднимались к небесам, дабы хранил Господь в пути царицу. И исполняли священники и левиты¹⁷ 117 псалом, и далеко-далеко разносилось пение прекрасной капеллы храма Божьего:

«Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его. Да скажет ныне [дом] Израилев: ибо вовек милость Его. Да скажет ныне дом Ааронов: [Он благ,] ибо вовек милость Его. Да скажут ныне боящиеся Господа: [Он благ,] ибо вовек милость Его».

Такая вот история произошла с царицей Савской. Нет больше ни одного текста Священного Писания, в котором упоминалась бы еще эта царица. Так что, если кто-то из нас захочет разузнать о ней что-нибудь, придется ему отправиться в город, где мостовые вымощены золотом, а ворота сделаны из жемчуга. И входить в те воро-

та будут цари земные, чтобы принести честь и славу народов своих к ногам Царя всех царей и Господина всех господ. И там, среди них, будет и царица Савская. Войдет она в ворота в сопровождении славной дружины, и поприветствуют ее с великими почестями. Ведь и ей — в день Страшного суда, когда святые будут судить мир, — обещано судейское кресло.

Сказали о ней уста самого Сына Божьего, которые никогда не ошибались: *«Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона»*¹⁸.

О, кто бы поведал той женщине, искавшей там, в солнечной Аравии, правду, что в то время, когда найдет она правду эту, дано ей будет место среди святых и право судить мир?!

Таковы пути Господни!

Есть еще один Соломон, более великий, чистый, лучший! Не сын покоя, а сам по себе Покой. Тот — в земле ханаанской — был всего лишь Его отражением. Он — вечная Мудрость, Сила, Свет, Господин и Царь, Иисус Христос!

Если кто хоть раз услышит о Нем вести неслыханные, то уже успокоится и захочет идти за Ним, за Ним!

У тебя может быть все, что угодно, — как у той Царицы южной — но ничто не заменит тебе Его. Послушай меня, читатель, послушай. И тебе, как той владычице земли Савской, цветы, шум вод, мерцание звезд, месяц в ночи, песни птиц, тишина лесов, величие гор, все — ах, абсолютно все! — говорит о том, что ты должен знать кого-то и что-то. Но кого?

Знаешь ли ты, что где-то есть Кто-то, кто поймет тебя, разгадает все загадки души твоей, что существует счастье и для тебя? Знаешь? Да, ты чувствуешь это. Но ты ищешь его в труде, славе, роскоши, добрых и злых делах. И не находишь. Радость быстро проходит, а богатство — приедается. Станешь ты женихом или невестой, исполнятся все желания, превратишься в мужчину, женщину, появится у тебя тот, кто будет заботиться о тебе. Посчастливится тебе стать отцом, матерью, утетишься в радостях материнства или отцовства; добьешься успехов на избранном тобою поприще, получишь то место и должность, о кото-

рых мечтал, и хозяйство твое умножится... И иной раз покажется тебе, что ты счастлив, очень счастлив! Но когда пробьет час одиночества, вместе с ним придет печаль — ведь всего этого для твоей души окажется недостаточно. И существует только одно творение во Вселенной, могущее насытить душу, сердце, мысль и все существование. Это Он, тот небесный Соломон, Иисус Христос!

Он — само воплощение любви — ходил по земле, как обычный смертный. Если бы человек мог заслужить себе небо добрыми поступками, Он бы заслужил его. До тридцати лет жил Он трудом собственных рук, плотничал, кормил мать. Частенько видели его люди ворочающим тяжелые бревна в домах богачей. Не раз платили ему за этот изнурительный труд деньги, но не раз и обманывали! Он не бранился, не желал своим обидчикам зла. Не завидовал живущим в достатке и праздности. Он умел радоваться тому малому, что имел.

Облаченный в нищенское рубище, Он не пренебрегал никаким ночлегом — иногда ночевал и под открытым небом; Ему хватало сушеной рыбы, куска хлеба, молока. У Него не было забот, ко-

торые мешали бы Ему жить. Он довольствовался тем, что имел.

Когда исполнилось Ему тридцать лет, оставил Он свое ремесло и вступил на путь пророка, несущего людям слово Божие. И только в Бога веровал, на Него уповал. А на дорогу эту направил его сам Святой Дух неподалеку от Иордана.

Тот, Кто строил людям дома, порой не находил места, где мог бы приклонить голову. Даже самая невзрачная лачуга Ему не принадлежала.

Не раз, когда ночевал Он в горах, роса падала на его одежду, лицо, руки, волосы. Свет луны и звезд целовал Его божественное чело, касался губ, глядя на которые люди замирали в ожидании хотя бы слова. Луна целовала Его щеки, подобные снежной лилии. Благоухали цветы, утихал ветерок, не грохотал гром, на море воцарялся штиль — вся природа оберегала сон потомка Давида. Лесные звери любили Его, Того, для Кого существовало все на земле.

Но как мало бывало у Него минут отдыха! День за днем он выполнял работу, которую никто, кроме Него, не мог выполнить. Он не только призывал к покаянию и возврату к Всевышнему. Он исцелял

людей, как врач, и наставлял, как учитель. А еще эти далекие путешествия по земле и Тивериадскому озеру! Он возвращал матерям сыновей, детям — родителей, родителям — детей. Те, кто был в тягость своим родственникам, становились их опорой. Там, куда Он приходил, отступала беда, болезни, смерть. Можно сказать, что таким образом он улучшал социальное положение своего народа. Чем больше люди слушали то, что Он говорил о любви к ближнему, тем лучше они относились друг к другу: не ссорились, не крали (иной раз даже возвращали украденное). Вернул Леви, вернули другие. Перестали грешные жены мужьям изменять, перестали ссориться с ними, и началась у них жизнь в любви.

И что дало человечество этому великому реформатору социальных и нравственных устоев? Что дали люди ему взамен? Предательство, бичевание, мученическую смерть на кресте и чужой гроб.

Воплощенная любовь, служившая людям верой и правдой, закончила свой земной путь на Голгофе. За тебя и за меня заплатил Он. За нас, за наши грехи отдал Он свою жизнь! Такой молодой, всего

лишь тридцати трех лет от роду, вынужден был умереть насильственной смертью, чтобы ты, милая душа, могла жить!

И как ты платишь ему за это? Что ты сделала с кровью этого жертвенного Агнца? Принесла ли ты ему свое сердце? Окропила ли ты его этой кровью? Очистила ли? Или, облаченная в роскошные одеяния, выплясываешь на дороге, по которой ходил Он и нес свой крест к Голгофе?

Но, слава Богу, эта великая жизнь не потерялась в смерти. Только несколько часов плакала мать. Он ожил! Разорвал путы смерти и восстал из гроба! Его видели больше пятисот человек, а потом Он ушел по облакам домой, на свою вечную родину и с тех пор правит там, как правил Соломон, будучи всего лишь отблеском Его, в Иерусалиме.

Жена Лота

Жила во времена оны на свете жена Лота. Все, кто знал ее, давным-давно умерли. Почему же до сих пор слышим мы о ней то тут, то там? Даже маленькие дети учат ее историю в школе, да и сам Сын Божий Иисус Христос приказывает нам: «Вспоминайте жену Лотову!»¹⁹

Имени ее вы не найдете, везде о ней говорят только как о жене своего мужа. И это должно быть великим знаком: или она была точным его отражением, или же имела на Лота сильнейшее влияние.

Женщина эта — кстати, она не была простолюдинкой — родилась в Содоме. К такому выводу можно прийти, внимательно прочитав жизнеописания.

сание Лота, — с его женой мы встречаемся впервые именно там.

Когда-то на свете был один Содом, а в наши дни Содомом стал чуть ли не каждый город — и большой, и маленький.

Полагаю, жена Лота была очень хороша собой, как и любая содомлянка, — ведь у таких женщин существуют тысячи способов наводить красоту. Ничего не знаю о моде тех времен, но думаю, что уже тогда дочери Евы умели раскрашивать лица, завивать волосы, вплетать в них жемчуг и золото; и что было красивого у одной, того и другой хотелось. И конечно же они умели развлекаться!

В наши дни почти все считается невинной забавой. Даже если кто-то с субботнего вечера до утра воскресенья пьет, танцует, играет в карты и просыпается с похмельной головой — это тоже невинная забава.

И даже когда в театре играют дети и слышат то, что еще по меньшей мере пять или десять лет должно оставаться для них тайной, — и это тоже невинная забава.

Надо ли говорить, что и в Содоме, по-видимому, умели так же *невинно* развлекаться.

Возможно, во время вот таких невинных забав — а сердца людские и грехи человеческие во все века одинаковы — и встретил Лот свою будущую жену, встретил и понял, что полностью очарован ею.

Ну а затем познакомился Лот со всей ее родней, сделал предложение, и сыграли они свадьбу. И здесь нет ничего неправдоподобного — так и в нашу пору случается.

Быть может, перед тем, как Лот попросил ее руки, он и задумался, стоит ли ему жениться на представительнице высшего содомского общества, к тому же такой любительнице веселья. Ведь сам он был очень набожным — по крайней мере, до тех пор, пока жил со своим дядей Авраамом. Впрочем, и в Содоме он собирался вести себя так же. Думаете, это нелогично? Возможно. Но не надо этому удивляться. И сегодня еще есть люди, которые целую неделю живут праведной жизнью, а потом позволяют своей родне танцевать всю субботнюю ночь, да и сами частенько к этому присоединяются. К этой невинной забаве.

А содомское общество было похоже на все остальные. Тут имелись и богатеи, и купцы, и город-

ское начальство, и военные, и лекари, и жрецы, и бесправные люди — все, как в наши дни.

Когда Лот перебрался в Содом, он и помыслить не мог, что будет участвовать в здешних забавах. Но человек, который стремится разбогатеть любой ценой, должен уметь угождать людям; вот и пришлось нашему герою перебороть себя, а в итоге — как я уже говорила — он сыграл свадьбу.

Но это было только начало, потому что после того, как Лот женился на содомлянке, жизнь его потекла по иному руслу.

У молодой жены были свои, сложившиеся еще до свадьбы взгляды и привычки. А от любящего мужа она могла добиться чего угодно.

Роскошный быт, наряды, шпильки, булавки, развлечения, пиры — вот то *невинное*, к чему привыкли в Содоме.

Лот исполнял любые прихоти супруги, ведь дела его процветали, он богател с каждым днем. Да и когда человек не жаждал денег и уважения?

Жили они с женой душа в душу, только одно нарушало эту идиллию: Лот знал Истинного Бога, а она принадлежала к варварскому племени и молилась каким-то божкам.

Однако Лот втайне надеялся, что рано или поздно сумеет убедить свою любимую в бессилии ее богов. Но все как-то некогда ему было поговорить с женой.

И вдруг грянула буря. Началась война, и танцы прекратились. Такое уже случалось — за несколько лет до того перестали танцевать из-за эпидемии гриппа. Впрочем, содомляне нашли тогда выход их положения: они придумали «гриппозную польку» и весело ее отплясывали. Не могу сказать, танцуют ли в наше время подобные польки, но знаю точно: грипп в Содоме принес людям много горя.

В общем, жители Содома не были готовы к войне, ведь в столь любимых ими невинных забавах забываются все необходимые для жизни вещи, а главное — жизнь вечная.

Ну и естественно, войну они проиграли. А неприятель не удовольствовался выкупом, что уплатили ему проигравшие, и забрал все, что ему понравилось: женщин, детей и драгоценности. Попали в плен к супостатам и Лот с женой.

Увидел Лот, что богатство потеряно, и понял причину такой беды: позволил он содомскому духу

поселиться в своем доме. И посчитал Лот это заслуженной карой.

Горевал он, искал милости и помощи у Господа, и не напрасно.

Авраам, его дядюшка, о котором долгие годы Лот и не вспоминал, этот муж, живший на свете так, будто ему не принадлежал, этот муж, никогда себе бы не позволивший участвовать в содомской забаве, поскольку та отдалила бы его от живого Бога, этот праведник, над которым потешались содомляне, пришел племяннику на помощь. Он, мирный человек, вступил в бой с неприятелем и спас не только Лота, но и всех горожан.

Не знаю, как встретились Лот и Авраам, но думаю, дядя был не слишком доволен племянником. Богатый наряд Лота отвечал последней содомской моде, и одежда эта выдавала весь образ его жизни. Однако не оставил Авраам Лота без благословения; а еще — позвал его с собой. Но Лот не мог уйти из города. И даже не из-за денег — понял он, как все это призрачно; просто Лот уже давно уяснил себе — его жена не захочет принять образ жизни Авраама. Кроме того, Лот как подданный содомского царя обязан был вернуть-

ся. Тем не менее он пообещал себе не только привести в порядок свои денежные дела, но и заставить жену поверить в живого Бога, чтобы смогла она разделить с Авраамом его образ жизни и служить вместе с ним Вседержителю.

С воскресшим сердцем, полным благодарности Господу, возвратился Лот в Содом, и там спала с глаз его пелена, и увидел он во всей неприглядности грешную жизнь своих сограждан.

Однако как только дела Лота пошли в гору, его семья вновь вернулась в круг богатых и родовитых людей — и начался все тот же веселый и распутный образ жизни. Лот видел это, но вынужден был терпеть: после войны его выбрали в городской совет. И Лот согласился занять эту должность — а ведь он был племянником Авраама, который даже ремешка для сандалий не хотел принять в дар от содомского царя!

Но вернемся к жене Лота. Не знаю, какие титулы были в Содоме в те времена, но когда ее муж получил место в городском совете и стал советником царя, она, можно сказать, приобрела положение жены министра.

Господь, который заглядывал Лоту в сердце,

видел его желания и слышал его обещания. Но и дьявол слышал их; подговорил он содомлян предложить Лоту важное место, дабы и думать тот не смел покинуть город. Таким вот образом и удержали Лота в Содоме.

Думаю, Лот не очень-то добивался этого высокого поста, но его жена мечтала быть женой советника. И стала ею. И нет в этом ничего удивительного. И сейчас некоторые господа нипочем бы не стали теми, кто они есть, если бы не их жены.

«Приняв эту должность, — говорил сам себе Лот, — я смогу на законных основаниях бороться с несправедливостью и влиять на людей». И он действительно хотел повлиять на содомлян ради их же блага, и все для этого делал. Но замыслы его осуществлялись медленно. И нигде не было ему так тяжело, как в собственном доме. Ведь если муж сразу после свадьбы не берет бразды правления в свои руки, то потом мало может влиять на свою благоверную.

Жена Лота долго не могла сообразить, о чем он ей толкует. Она была верна мужу, но при этом обожала всяческие увеселения. И пока Лот не упрекал ее в легкомыслии, жили супруги в согласии.

Но как только он попытался отвести жену от развлечений, указал на их мелочность и призрачность, заговорил о несостоятельности ее богов и попросил поверить в живого Бога... она принялась негодовать. Да и кто будет молчать, если ругают его бога? И хотя жена Лота признавала правоту мужа — ведь ее боги, в отличие от великого Бога Авраама, ничем не помогли им в последней войне, она искренне недоумевала, почему ей нужно поклоняться живому Богу? Почему нельзя все оставить по-прежнему?

Начались ссоры. Лот больше не желал жить в роскоши, а его жена не хотела жить по-другому. Не раз заливалась она горькими слезами.

Возможно, Лот все это терпел из-за своих дочерей, которых в основном воспитывала мать. Ведь глава семьи с утра до ночи добывал деньги и заседал в совете. Он не забывал — насколько ему хватало времени — учить дочерей любить Бога, но были то девочки веселые, живые и своевольные, каким часто вырастают дети богатых родителей. Мать еще и одевала их лучше всех сверстниц.

Впрочем, содомские девочки всегда были

одеты, как куколки, и ходили с таким выражением лица, будто спрашивали: «Ну, вы видите, до чего я хороша?»»

Дети Лота были такими же, как и тысячи детей в наши дни, — ничуть не умнее и не лучше. Ведь и сейчас богатые матери наряжают своих сыновей и дочерей так, как другим и не снилось, — тем самым они пытаются завоевать уважение окружающих или вызвать у них зависть. И кого волнует, что подобное отношение портит ребятишек и стирает с их лиц выражение невинности? Это все те же невинные забавы.

Шли годы, а Лот по-прежнему жил в Содоме. Мало-помалу под влиянием мужа жена Лота отвергла своих божков и обратилась к живому Богу. И дочерей к нему привела. А вот от роскоши отказываться не желала. И хотя Лот протестовал против чрезмерного богатства и неистового веселья, его собственный дом всегда был полон гостей, то и дело здесь устраивались шумные пиры. И все это — несмотря на недовольство хозяина.

Однако не стоит забывать, что Лота давно бы выгнали из Содома, если бы не его жена и ее пиры. Своим гостеприимством она сглаживала недо-

вольство людей, которым не нравилось то, что Лот не желает жить по их правилам.

Прошел год, прошел другой. Выросли дочери, заневестились.

В женихах недостатка не было. Кто же не хочет стать зятем милой жены советника да еще и богатое приданое за женой взять? Лот в этом деле ничего не решал. Когда два молодых человека посватались к его дочерям, все произошло без участия отца (не верю, что он так слепо пообещал своих девочек содомским парням!). О свершившейся помолвке ему любезно и деликатно сообщили. И, чтобы не опозорить жену возвращением слова, Лоту пришлось смириться с ее выбором.

Обоих молодых людей представили ему в наилучшем свете, словно уже сегодня готовы были они начать почитать живого Бога Авраама.

Возможно, Лот думал, что раз уж все равно так случилось, то надо будет ему попытаться повлиять на зятьев и отвести их от грешного пути, по которому они так уверенно шагали.

Эти два молодых человека были ничем не хуже тех, что живут в наше время. Непоседливые, веселые, они умели придать лицу любое выраже-

ние — от важного до распутного. В общем, о таких парнях обычно говорят «надо их женить, чтобы остепенились».

Конечно, обо всех подробностях их жизни следовало умалчивать даже в Содоме. Но говорили об этих молодых людях, что ребята они порядочные и зажиточные — словом, хорошая партия.

Существует версия, что в Содоме жили грешные и злые люди, хуже которых и не было на земле. Но по словам Божьим я докажу, что это не так.

В Книге Бытия упоминается Содом:

«Жители же Содомские были злы и весьма грешны пред Господом» (Быт.13:13).

Но у Иезекииля мы читаем о старой еврейской церкви, которая была в то время правильной и верной, потому как царил в ней закон Божий, его чистое и праведное учение:

«Живу Я, говорит Господь Бог; Содома, сестра твоя, не делала того сама и ее дочери, что делала ты и дочери твои» (Иез.16:48).

(Тогда и грехов-то столько не было, сколько упоминал Иезекииль!)

«Вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности, и она руки бедного и нищего не поддерживала» (Иез. 16:49).

Господь наш, Иисус, описывает это так:

«Так же, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили» (Лк. 17:28).

А у Иуды говорится следующее:

«Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример...» (Иуд. 1:7).

Да и хотела бы я видеть хоть один город, большой или маленький, или даже деревню, где не творилось бы то же самое, где не было бы людей спесивых, где богатые не забывали бы о бедных, где не ели бы и не пили и где бы все стремились к тому, чтобы не потакать прихотям плотским.

Следующее, что нам известно о Содоме:

«И сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так,

каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» (Быт. 18:20–21).

Мы видим, что разнузданные вопли содомлян постоянно тревожили Господа, и решил он положить им конец.

А сегодня? Подобных людей тысячи! Разве не так бывает на Масленицу, когда народ отплясывает до рассвета, а потом уставшие музыканты должны еще и под окнами играть?

Словацкая крестьянская свадьба, даже сама бедная, длится четыре дня, и все это время не смолкают крики и музыка. А ведь наши люди набожны и кротки.

Думаю, что таких криков нынче намного больше, чем было в Содоме.

Я знаю одну деревеньку, где молодого человека представили конем и принялись водить его из дома в дом и везде поили самогонкой. А если он пить не хотел, спирт насильно вливали ему в рот; и все это продолжалось до тех пор, пока парень не рухнул как подкошенный.

А еще я слышала собственными ушами и видела собственными глазами, как сентябрьской ночью на раскисшей дороге прыгали по грязи

пьяные мужики. Идучи по той дороге на станцию, осветили мы их своим фонарем. Пьяные выглядели как животные, их вопли летели над миром и долетали туда же, куда и крики содомские. Интересно, сливались ли они в единый рев?

Некоторые думают, что Господь глух и ничего не слышит, что Он слеп и ничего не видит.

Бог дал людям законы, но они забывают о них. Молодость, веселье... разве нельзя позволить себе немного развлечься? Нет, содомляне были не хуже, и кричали не громче.

Еще в одном месте упоминается о них в Слове Божьем. Апостол Петр говорит, что Господь *«...города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам»* (2 Пет. 2:6).

И теперь, когда мы удостоверились, что содомляне были не хуже нас, вернемся к ним, чтобы отбить охоту осуждать их, и вспомним, что Иисус, сын Божий и Вечная Правда говорит нам:

«И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Со-

домской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф. 11:23–24).

Вот так вот. На последнем суде легче будет содомлянам, чем современному крестьянину, попирающему жизнью содомской Христа и Его святой закон.

Но давайте отправимся за женой советника в Содом и присядем в ее гостиной. Там расположились и ее дочери, и будущие зятья, и их родители. Вечер, обычный семейный вечер. Общество пересказывает последние новости: кто собрался жениться, каковы цены на рынке, что происходит в политике. Вспомнили бал у госпожи Х., самой красивой женщины города. Посудачили о моде. Поговорили о предстоящих свадебных путешествиях дочерей Лота. Кто-то в шутку предложил проведать дядюшку Авраама. И сейчас так острят по поводу людей, кажущихся большинству странными.

И тут у входной двери раздался шум. Все умолкли, на лицах появилось важное выражение — пришел хозяин дома. Его никто не ждал, но все увидели, что он находится в необычайно хорошем

расположении духа. Лот сообщил жене, что пригласил на ужин двух господ, и велел ей срочно приготовиться к их приему. На вопрос, кто они и откуда, сказал только, что они чужестранцы и что на вид кажутся очень важными. Раздосадованные гости вынуждены были удалиться, остались только будущие зятя, не желающие расставаться со своими милыми.

Пока Лот и его гости наслаждались яствами, по содомским улицам, где шумно веселился народ, расползлся слух, что в дом к советнику пришли уж очень странные люди.

Хотелось бы мне услышать, что говорили содомляне о чужеземцах. Наверное, это было похоже на то, что болтали в городке Н., где мы проповедовали людям Евангелие, а они приходили посмотреть, правда ли, что у нас по стенам развешаны копыта и на столе лежит черная книга, на которой тотчас после захода солнца начинает танцевать дьявол.

Так что я не сильно удивляюсь тому, что около дома Лота собралась огромная толпа — народ даже не мог поместиться во дворе. Словно весь город сюда сбежался. Ведь уже не раз Лот выс-

казывался против содомских порядков, и теперь горожане собирались поквитаться с ним за это.

Думаю, они хотели просто опозорить Лота. Полагаю, что не последнюю роль в этом сыграли жрецы, которые давно имели на него зуб за то, что любит он живого Бога, а не их никчемных божков.

Я видела, на что способен разозленный пьяный люд, как он лезет в дом, на кухню, во двор, и мечтает только сделать гадость. Я прекрасно представляю себе те испитые хриплые голоса и то, как Лот пытался спасти своих гостей, которых требовала выдать содомская община (вернее, сброд, иначе не могу их и назвать). Это была та самая община, что любила *невинно* забавляться. И говорится об этом так:

*«Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со **всех** концов **города**, окружили дом» (Быт. 19:4).*

В толпе этой, к счастью, отсутствовали женщины. Ведь именно они способны любую мелкую ссору превратить в скандал, усугубить все во сто крат. Я хорошо помню, как в городке Н. мужчины

даже волоска на наших головах не тронули, а женщины кричали «Убейте их, и сначала убейте детей!» Хорошо, что там не было содомлянок и хорошо, что гости Лота обладали силой, позволившей поразить нападающих слепотой.

В доме Лота все ходило ходуном. И, надо думать, что больше всех дрожал сам хозяин. Ибо уяснил он наконец, среди каких людей жил. Но не только он увидел это, увидела и его жена. Я представляю, как горячо она обнимала дочерей, как боялась, что вот-вот начнется резня, как билось от страха ее сердечко.

Помощь Божья, которую она узрела минуту назад, достигла ее сердца. И когда пришел за ними Лот — бледный и несчастный, — кинулась она к нему на шею с криком: «Велик Господь Бог наш!» И этими словами облегчила она мужу задачу, ведь собирался он сказать ей и дочерям, что эта ночь последняя для города и его жителей. Что Господь не желает больше слушать разнузданные крики и взирать на разврат.

Будущим зятьям Лота показалось, что отец их невест шутит, хотя его строгое и печальное лицо ничем не напоминало лицо шутника.

Не поверили они ему. И неудивительно. Попробуйте-ка сказать, что некий город разрушат и всех его жителей за грехи истребят, — кто вам поверит? Так что, когда Лот предложил молодым людям бежать вместе с его семьей, они отказались. А вот перепуганные дочери Лота готовы были немедля оставить дом. Но я сильно сомневаюсь, что они поверили в то, что Содом обречен на гибель.

Был только один человек, и впрямь поверивший в это, — жена Лота. Не раз муж говорил ей: «Невозможно, чтобы Господь долго глядел на распутство и не покарал виновных». Не раз пересказывал то, что слышал от своего деда Тераха, а тот от праотца Ноя — как было перед Потопом. В своих легкомысленных забавах забывала она слова мужа, но все же не могла их полностью стереть из памяти. Так и сейчас, если услышит кто, что Иисус придет судить живых и мертвых, то не может уже выбросить это из головы и частенько вспоминает об этом даже на веселых вечеринках. Да, она поверила. И еще больше поверила, когда услышала весть ту из уст небесных посланцев, которых наконец-то узрела.

Она поняла главное. Поняла, что Господь хочет стереть с лица земли Содом. Чувствовала, что великое множество грехов совершили люди, и она тоже. Но догадалась она, что отпущены ей грехи — ведь посланцы Божьи вознамерились сохранить её жизнь. Вот только никак не могла она расстаться с любимым городом. Сердце человеческое врастает в родную землю корнями. И как их вытащить? Ах, я её не удивляюсь!

И сегодня живут люди, которые знают, что гибнут, и знают, что великую милость предлагает Господь, посылая им Сына своего Иисуса, знают, что стоит только вложить руку в правую руку этого Агнца, за них принесенного в жертву, и отведет он от них гибель. Но не могут расстаться с миром, не могут отпустить его.

Не хватало на это сил и у жены Лота. Но суд Божий не откладывается. Есть у Него час милости и час кары, и каждому из них свое время.

Пока Лот с женой раздумывали, положение их семьи ухудшалось. А ведь им открывалась великая милость — только они могли бежать из обреченного города.

Знали они, что если не уйдут — погибнут.

И все равно медлили. Покинь они Содом сразу после того, как услышали страшную весть, сохранили бы немалую часть своего богатства. Но когда ангелы подошли к ним, и один взял за руки Лота и его жену, а другой — их дочерей, вынуждены они были уйти налегке — так, как бежит человек из горящего дома. Милость Божья, которая дана была им по уговорам Авраама, и та свершилась насильно.

Однажды пришел Лот в Содом. Разбогател там. А когда уходил из города, был вынужден, спасая свою жизнь, оставить все. Бедный человек, зачем жил до сих пор? Точно так же мог он спать эти годы в гробу — результат оказался бы тот же. Да и разве только к Лоту можно отнести эти слова? Все, что успел ты заработать, оставляешь в Содоме этого мира: дом, наряды, почести — все. Так задай себе вопрос: зачем ты жил?

Обратись Лот к Богу тотчас после войны, сохранил бы свое имущество. Пусть бы и продал его не очень выгодно, зато стал бы великим мужем. Мог бы так же, как и Авраам, служить живому Богу всем сердцем. А мы бы потом прочли, что умер он в глубокой старости, что дети закрыли

ему глаза, и дети эти были богаты. И рассказывали бы нам, какой это был благочестивый муж. Как он, поняв, что жизнь в Содоме противоречит его принципам, оборвал все связи с этим городом. Как мужественно сказал бы содомлянам, почему уходит от них и как говорил бы о нем народ: «Ты священник Божий среди нас».

Но всего этого не случилось из-за его жены. Она держала его в Содоме, она учила его закрывать глаза на несправедливость, она умела превратить грех в забаву! Она привязала его к своей родине. Из-за нее Лот жаждал богатства и почестей. Ведь даже после того как уверовала, эта женщина не прекратила своих стенаний; она заставила мужа колебаться — и потерять все.

Но я не утверждаю, что она была плохой женой. О, нет! Не сомневаюсь: она хранила верность супругу, как и тысячи жен в наши дни, любила его по-своему и старалась ему угодить. Не хочу только обвинять. Неужели вы никогда не встречали мужей, которые сваливают любую вину на жену, хотя она — женщина честная и порядочная?

Но вернемся к последней битве жены Лота.

Светало. Большинство содомлян сладко спали.

А семья Лота, оставив все свое добро, убегала из Содома. О, сколько раз женщины обернулись назад! Ведь с городских стен им вслед смотрели женихи девушек. Судя по их смеющимся лицам, они от души забавлялись — мол, позволили Лот себя обдурить, даже имущество бросил. До чего же будет весело, когда вернется он с семьей через несколько дней! Если бы в Содоме была лечебница для душевнобольных, Лота заперли бы в нее, чтобы он не заразил близких своим безумием. А если бы в городе выпускали юмористические журналы, о побеге его семьи можно было бы прочесть на их страницах.

Думаю, дочери Лота не сомневались, что скоро вновь переступят порог родного дома. Они покидали город только потому, что необыкновенный чужестранец уверенно вел их за руки, и выражение его лица не располагало к разговорам. Но жена Лота верила, чувствовала, знала: безбедная жизнь осталась в прошлом, в Содом им не вернуться.

Пока она молча шагала рядом с ангелом, перед ее мысленным взором вставали картины былого счастья. Вспоминала она свой дом, знакомых, богатство, наряды, булавки, увеселения. Женщина

знала: вся ее прошлая жизнь — грех перед лицом Бога. Господь справедливо покарал бы ее, оставив в Содомах. Но она не хотела умирать, не хотела гибели мужа и дочерей.

Закрыв глаза и плотно сжав губы, шагала она вперед, но воспоминания влекли ее назад.

До чего же было ей тяжело! Тяжело знать, что все, что ты бросил, никогда не вернется к тебе — и продолжать идти. Представления сыграны, танцы дотанцованы; роскошная жизнь, наряды, положение в обществе — все остается в прошлом. Только бессмертная душа идет к Богу с пустыми руками, вон из Содомы... но куда?

Когда ангелы остановились, жена Лота открыла глаза и глянула на своего провожатого. Глаза его, лучившиеся милостью и любовью, были подобны небу. И поняла тут жена Лота, что Господь простил ее. Спас от гибели. Поняла, что отныне будет Он оберегать ее, если она останется Ему послушна. Женщина слышала, как говорили ангелы мужу: «Спаси себя. Иди и не оборачивайся, пока не взойдешь на гору. Слышишь? Не оборачивайся — иначе погибнешь».

А Лот им отвечал: «Прости меня, Господи,

знаю, что хочешь Ты сохранить мне жизнь. Но не по силам мне взойти на гору. Есть тут неподалеку город, я бы лучше туда побежал. Это маленький городок, там я могу остаться. И так выжить».

И прекрасный голос, полный Божьей милости произнес: «Хорошо. Ради тебя, я не трону этот городок. Беги туда, только быстро, потому что если не успеешь, ничего не смогу более сделать для тебя».

И тут ангелы исчезли; Лот и его близкие остались одни.

Да, совсем одни. Никто не держал их за руки. И пришлось тогда главе семьи взять за руки дочерей, а жене его бежать следом.

Лот и не заметил, как жена его начала отставать. Он уверенно продвигался вперед, перед ним уже маячило спасение — еще минута и вбежит он в ворота Сигора²⁰. На лбу у него выступили капли пота. И вдруг услышал он за собой странный и страшный звук, но, повинувшись наказу, не оглянулся Лот до тех пор, пока не очутился в городе.

И кто опишет его чувства, его ужас и боль! Та, что была до сих пор радостью глаз его и гордостью, исчезла. Нет ее позади Лота, и нет ее нигде!

Всходило солнце — но разве могли его лучи, ласково согревающие мир, сравниться с ужасным жаром, которым дыхнуло от сожженных городов — Содома и Гоморры! Повсюду расплзался запах серы, смешанный с запахом горелого человеческого мяса, волос, кожи...

Из разрушенных городов, охваченных пламенем, доносились душераздирающие стоны.

Содомляне пытались покинуть город, но и за воротами их ждал огонь. Кто-то прятался в подвалы, но огонь достигал их и там.

«О, Лот, Лот, почему мы тебе не верили?!» — кричали, погибая в огне, женихи дочерей Лота.

«Это из-за свершенной нами вчера несправедливости!» — внезапно осознали содомляне.

А когда все сгорело и по земле только дым стелился, когда наконец стало можно выйти за ворота города, нашел Лот свою жену недалеко от Сигора — превратилась она в соляной столп. Так наказал ее Господь. Насильно выведенная Им из Содома погибла она из-за своего непослушания. Знала, что дорога каждая секунда, что нельзя оставаться в долине, нельзя оборачиваться. Но печаль в ее сердце о Содоме была такой глубокой,

что оглянулась она — ведь душа ее стремилась назад.

И поскольку Содом значил для нее больше, чем приказ Господа, пренебрегла она Божьей милостью — тот, кто телом уходит из Sodoma, сердцем все равно остается с ним. И за этот грех покарал ее Бог.

О, как жалел эту женщину Иисус, если призывал нас: «Вспоминайте жену Лотову!»

Господь вывел ее из Sodoma, но погибла она.

И что Он почувствует, если и ты погибнешь вместе с Содомом этого мира, несмотря на то, что Он своей смертью спас тебя?

«Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию.

Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3:9–10).

Авизея Кармельская

1

«Когда они шли, при возвращении Давида с победы над Филистимлянином, то женщины из всех городов Израильских выходили навстречу Саулу царю с пением и плясками, с торжественными тимпанами²¹ и с кимвалами²².

И восклицали игравшие женщины, говоря: Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!» (1 Цар. 18:6–7).

Закончилось сражение близ Сокхофа²³. Закончилось великим поединком. На поле боя остался лежать только один неприятель, но его смерть из-

бавила от гибели целое войско. Возвращались воины домой в ореоле грандиозной победы.

Рукоплещущий народ приветствовал на улицах городов героев. И хотя не щадили своих ладоней мужчины, избежавшие рабства, еще больше неистовствовали женщины. Кого, как не их, ждала суровая участь: поругание, унижение, разлука с родными, с ненаглядными детушками!

Девушки-подростки, прекрасные как розы, мелькая в танце стройными ножками, несли медные бубны, ударяли в них в такт пению. Миндалевидные, опущенные ресницами, глубокие, точно озера, глаза отроковиц устремлены были на дорогу — там вот-вот должен был появиться царь, отстаивший честь и достоинство своей державы. В окружении подданных, сверкая доспехами, величественным шагом приближался он к горожанам. Драгоценная корона, блистающая на его голове, была сохранена ценой великой победы, а страна — благодаря мужеству и мудрости.

Но откуда взялся в свите царя красивый юноша в простой одежде пастуха? Голову молодого человека обвивал пестрый тюрбан, из-под которого выбивались непослушные золотые кудри, сияю-

щие на солнце. Легкая походка, сандалии, маленький кошель на боку составляли такой странный контраст с огромным мечом — он нес его, взвалив на плечо, — что все головы повернулись в сторону юного героя. Женщины не спускали восхищенных глаз со стройного стана пастуха. Они знали — это их спаситель; ему они обязаны избавлением от смерти, рабства и унижений; это он рискнул своей молодой жизнью ради их благополучия.

«Саул победил тысячи, — запели женщины, и чистые девичьи голоса подхватили: — а Давид — десятки тысяч».

Длинные ресницы юноши дрогнули, а глаза, спокойно и ясно глядящие на мир, проникающие в самую суть вещей, взирали на грациозных девушек, на красу земли израильской так, словно только сейчас он понял, что именно их он спас от беды. И душа героя ликовала — отныне эти люди будут жить спокойно и счастливо.

Так шагал он, улыбаясь, и за его плечами вновь и вновь раздавалось: «А Давид поразил десятки тысяч».

И вот он ушел. Он, ставший с той минуты любимейшим героем народных песен. Он и сам сла-

гал песнопения и учил им свой народ, и о нем сочиняли песни песенники израильские. С того часа молились за него тысячи женских уст, благодарили Господа за каждый день жизни Давидовой.

Представим себе только одну девушку из великого множества — ей не исполнилось еще и пятнадцати. Прелестное дитя, будто сотканное из розового и яблоневого цвета. Гибкая, как газель, глаза — синее море, губы — розовый бутон, на высоком лбу — золотая ниточка. Чистая, будто святая!

Не заметил ее Давид в людском море. А она, глядя вслед уходящему юноше, приняла безоговорочно его в свою жизнь. Приняла его улыбку и взгляд. Он стал ее витязем, ее идеалом. А великие идеалы формируют великие характеры. Так случилось и с ней.

Вот и ушли герои. Пропели песни женщины. Успокоенные — ведь им более ничего не угрожало, — вернулись они под сень родных крыш, чтобы и дальше прясть нить легенд и слагать песни. В том числе и о златовласом сыне Иессея, Давиде.

2

«Был некто в Маоне²⁴, а имение его на Кармиле²⁵, человек очень богатый; у него было три тысячи овец и тысяча коз; и был он при стрижке овец своих на Кармиле.

Имя человека того — Навал, а имя жены его — Авигея; эта женщина **была** весьма умная и красивая лицом, а он — человек жестокий и злой нравом; он был из рода Халева» (1 Цар. 25:2—3).

Там, где высится гора Кармель²⁶, с вершины которой видно море; там, где серебрятся в долине оливковые рощи и зеленеют виноградники; там, где луга пестреют дивными цветами; там, где могучие кедры тянутся к небесам; там, посреди этой райской красоты, в Маоне, жили два человека, разные — как день и ночь, как лето и зима.

И люди невольно спрашивали себя: как Навал сумел заполучить в жены такую женщину, как Авигея? То, что вошла она в его дом не по зову

сердца, понимали все. О любви и речи никто не вел. Да я и сама думаю, что это был обычный сговор. Богатый мужчина договаривался с родителями девушки, мечтающими, чтобы их дочь стала зажиточной госпожой, о браке. Затем девушку приводили показать жениху и ради приличия осведомлялись у нее, как когда-то у праматери израильской Ревекки: «Пойдешь ли с этим человеком?»²⁷ И произнести «нет» она не смела!

Вот так и Навал услышал, что в одной семье подрастает редкостная красавица, и вознамерился на ней жениться. Мог он заполучить в жены любую женщину, поскольку был богат. Но хотелось ему придать своему дому больше блеска.

И привели к нему девушку, словно из роз и яблоневого цвета сотканную. После того как Навал увидел эту лучезарную красавицу, он готов был пообещать ее родителям, что угодно, лишь бы отдали ему ее. Ну ее и отдали. Так попала Авигея в Маон.

Не думаю, что невеста была счастлива, когда выходила замуж за этого престарелого жениха, но скорее всего не кидалась она с плачем в ноги родителям, не умоляла сжалиться над ней. Нет.

Авигея, как всякая израильтянка, знала, что должна выйти замуж. Жениха у нее не было — она, в отличие от многих своих подруг, еще никого не успела полюбить. Вот и поступила она так, как хотели мать и отец: поклялась быть верной мужу и вошла полноправной госпожой в его богатый дом. Да, она стала прекрасной женой и хозяйкой, на которую всегда могли положиться и муж, и слуги.

Навал, человек от рождения жесткий, упрямый, гордый, не умеющий любить, быстро оценил свою молодую супругу. Сообразил, что под ее мудрым присмотром хозяйство прямо-таки расцветает. С Навалом только такая кроткая и умная женщина и могла совладать. Он командовал пастухами и слугами, но подчинялся своей маленькой женушке. Хоть и не всегда.

Работники души не чаяли в хозяйке. Знали, что она частенько заступалась за них, принимала на себя гнев Навала.

Если Навал оставлял дом на Авигею, жизнь в Маоне становилась спокойной — пожалуй, даже хорошей. Красивая внешней и внутренней красотой, необычайно добрая молодая женщина несла

людям любовь. И свет. Слуги с радостью подложили бы руки под ее маленькие ножки, обутые в легкие сандалии, чтобы ей не так тяжело было идти по жизни.

Сердце Авигеи переполняла нерастраченная любовь. Муж не желал ее, не баловал, детей у них не было, но она, словно ручеек, питающий пустыню, радовала всех вокруг.

Чувствовала ли Авигея себя счастливой? Думаю — да. И не только потому, что была добра сердцем и умела любить, но и потому, что исходило от нее какое-то сияние, и освещало оно ее одинокий путь.

Однажды — на перекрестке детства и юности — пережила Авигея со своим народом войну. Испытав страх за землю своих отцов, она научилась любить ее, научилась чтить свободу, а больше всего — народ, к которому принадлежала. Этот избранный Богом народ даже в самый недобрый час не давал погаснуть огню любви к Господу, живому Богу.

Эта девушка принадлежала к тем верным Господу людям, которых Он духовно воскресил и которых любил великой любовью. Милость, оказан-

ная Им Израилю тогда, когда послал Он Давида победить Голиафа и спасти не только израильтян, но и честь Божью, навеки соединила с Ним сердце кроткой девушки. До самой ее смерти. А кто в молодости отдаст сердце Богу, тот всегда будет Им любим, и научит его Всевышний мудрости. И в девичестве, и в замужестве умела Авигея принимать верные решения, упреждать несчастья, не допускать обид и угадывать чаяния своего народа.

Среди гостей ее мужа — она им обычно прислуживала — встречались люди, приближенные к царскому двору. По их рассказам она составила свое мнение о том, кого видела в юности, — о Давиде, сыне Иессея.

Узнала она, как позорно обманул его Саул: пообещал в жены Мерову, но отдал ее за другого. А потом принцесса Мелхола полюбила Давида и вышла за него замуж. Но узнала Авигея и то, что он — народный освободитель — стал изгнанником, вынужденным с горсткой верных друзей скрываться в горах.

Не одну ночь проплакала Авигея, думая о горькой участи Давида, не раз просила Господа оградить его от несчастий. А еще стало ей известно,

что не Саул, а Давид по воле Божьей является помазанником Его и царем Израиля. Рассказали ей женщины, как пришел Самуил в дом Иессея и помазал мальчика Давида на царство.

С этой минуты стал Давид для Авигеи не просто героем-освободителем. Он сделался ее царем! Ему принадлежали сны молодой женщины, за него возносила она молитвы к небесам.

О Давиде говорили Авигее и пастухи Навала. Но рассказы эти становились раз от раза все грустнее и грустнее. По словам пастухов, приходил он к ним и было им под защитой его воинов хорошо. Видели они, как сидит Давид, склонив свою красивую золотоволосую голову к арфе. Слышали, как поет псалмы. И разносил ветер по горам дивные печальные песнопения.

Пастухи и сами выучили псалмы и хозяйку им научили. Как огонь по степи, распространялись песнопения Давидовы по миру. Никто не знал, кто это делает, но, к радости друзей и к ужасу недругов сына Иессея, звучали они во всех концах земли израильской.

Пастухи часто пели: *«Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться:*

Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена.

Так, благодать и милость [Твоя] да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни» (Пс. 22:1—6).

О, ведь ничего так народ не любит, как песни, продиктованный самим Духом Святым. Они бессмертны! И освещали псалмы жизнь и сердце Авигеи Кармельской.

Одна только печаль грызла ее сердце: если бы Авигея смела — а она не смела! — уйти с пастухами и остаться жить там, в горах, и мыть ноги воинам-героям, и их царю Давиду.

«О, где же была Мелхола? — не раз спрашивала она себя, — Почему позволила изгнать супруга? Почему не ушла с ним? Как оставила его в одиночестве?»

Авигея не могла отправиться к Давиду, не могла разделить с ним изгнание, зато она учила своих слуг любить его. Старалась чтобы — когда Господь посадит на трон своего помазанника — ее люди были преданы царю-псалмопевцу всей душой. И, пока речь шла о слугах, у нее все получалось. Но влиять на мужа Авигея не отважилась. Большинство приятелей Навала держали сторону Саула и оказаться под властью набожного Давида не желали. Наследник трона уже был — Ионафан. Так с какой стати должен прийти к власти род Иессея?

Были меж друзьями Навала и воины, которые полагали, что Давид своей победой над Голиафом опозорил их — простой пастух оказался сильнее могучих ратников!

Не раз слышала Авигея злобное шипение Навала: мол, не следовало Саулу разрешать этому юнцу выходить на бой с филистимлянином. Победа Давида, дескать, объяснялась счастливым стечением обстоятельств, и если бы этому выскочке не повезло, народ израильский угодил бы в рабство. Не нравилось Навалу и то, что царь сделал Давида своим зятем. Муж Авигеи считал Да-

вида лицемером, особенно в том, что касалось Ионафана. Этот молодой парень — по своей природной доброте и воспитанности — верил Давиду. Но Саул — и он был прав! — не доверял Давиду и хотел избавить сына от такого «приятеля».

Речи Наваля вселяли скорбь в сердце Авигеи. Ее и раньше ничего не связывало с супругом: она была верующей, а он — безбожником, злым и несправедливым человеком, который брал дары Божьи, как нечто само собой разумеющееся и никогда не благодарил Его. И если с самого начала не было у них ничего общего, то теперь, после того как Наваля принялся всячески поносить ее царя, Авигея осознала: между ней и мужем — а ведь они должны были бы быть единым целым! — лежала пропасть.

Как одинокая горная лилия, поднимает свою головку к небу, так тянулась Авигея к Господу, и чем больше любила Его, тем ей становилось яснее, сколь велико терпение Давида.

Ведь и он был один на свете, непонятый, бесправный. Он, любивший Бога так, что, складывая свои песни, целый народ вел к Его ногам, он не мог вернуться в город. Обидно, очень обидно.

3

«И услышал Давид в пустыне, что Навал стришет [на Кармиле] овец своих. И послал Давид десять отроков, и сказал Давид отрокам: взойдите на Кармил и пойдите к Навалу, и приветствуйте его от моего имени, и скажите так: „[здравствуй,] мир тебе, мир дому твоему, мир всему твоему; ныне я услышал, что у тебя стригут **овец**».

Вот, пастухи твои были с нами, и мы не обижали их, и ничего у них не пропало во все время их пребывания на Кармиле; спроси слуг твоих, и они скажут тебе; итак да найдут отроки благоволение в глазах твоих, ибо в добрый день пришли мы; дай же рабам твоим и сыну твоему Давиду, что найдет рука твоя“.

И пошли люди Давидовы, и сказали Навалу от имени Давида все эти слова, и умолкли.

И [вскочил] Навал, [и] отвечал слугам Давидовым, и сказал: кто такой Давид, и кто такой сын Иессеев? ныне стало много рабов, бегящих от господ своих; неужели мне взять

хлебы мои и воду мою, [и вино мое] и мясо, приготовленное мною для стригущих овец у меня, и отдать людям, о которых не знаю, откуда они?»

И пошли назад люди Давида своим путем и возвратились, и пришли и пересказали ему все слова сии» (1 Цар. 25:4–12).

Над домом в Маоне вставал счастливый день. Там устраивали роскошный пир, которому мог бы позавидовать царь. Праздновали пастушью жатву — окончание стрижки овец.

Хоть Навал и не был добрым хозяином, в этот день он веселился вместе со всеми. Пусть пастухи, слуги, управляющие, приятели посмотрят на его богатство и приобщаться к его славе!

К Навалу съехалось немало именитых людей, от яств ломились столы, вино текло рекой. В доме не смолкала музыка — для увеселения важных гостей хозяин пригласил музыкантов. А во дворе пели пастушьи рожки, звенели бубны, плакали скрипки.

Надо ли говорить о том, что обо всех гостях — и богатых, и бедных — заботилась молодая жена Навала. В тот день была она везде и нигде, как и

положено хозяйке. Без нее не могли обойтись и в доме, и во дворе, и на кухне.

И вот на празднике появились неожиданные гости — послы Давида.

Ах, если бы Авигея видела их, с какой радостью кинулась бы навстречу!

Кто-то из слуг побежал искать ее, а кто-то — хозяина. Вышел Навал на улицу и хмуро выслушал мужчин.

Давид, сын Иессея, поздравлял хозяина дома с праздником и просил покормить вместе с пастухами его воинов — ведь те охраняли людей Невала в горах. И каждый порядочный человек так и поступил бы. Но что сделал Навал?

Разговаривать тихо он, конечно, не умел. А в гневе вообще ревел, как тур. Вот и сейчас он даже не подумал приглушить голос. Зеленые глаза его загорелись, будто у охотника, готового растерзать добычу, седые брови сошлись у переносицы. Он высокомерно оглядел посланцев и процедил сквозь зубы: «Кто такой Давид? Кто такой сын Иессея?» Словно говорил: «Кто этот нечестивый, которого я знать не желаю?» А потом добавил, что не испытывает ни малейшего почтения к Давиду и не

собирается давать свой хлеб и воду бродягам, которые пришли неизвестно откуда и слишком многого от него хотят.

Хорошо, что люди Давида были без оружия, иначе надменный муж тут же поплатился бы за нанесенное оскорбление. Молча развернулись воины и ушли.

И видело это много народу. Немало слуг сбежалось во двор посмотреть, на кого раскричался хозяин. Бледные, как смерть, глядели они вслед уходящим мужчинам, потому что понимали: воины Давида вернутся. Только вернутся не с просьбой, а с мезтью.

О, какая придет беда, когда они обнажат мечи! Напрасно пытался старейшина пастухов урезонить хозяина, Навал и слушать его не хотел. Прикрикнул, махнул рукой и вернулся к своим гостям, которых потчевал с утра и готов был потчевать и до вечера. Только вот вечер для некоторых начинался слишком рано.

Залил Навал злобу вином и, похваляясь, рассказал приятелям, что произошло между ним и посланцами Давида.

А в это время к хозяйке прибежал слуга. Увидев

его перепуганное лицо, Авигея поняла: случилось что-то ужасное.

Ломая руки, слушала она верного слугу. Слово в слово передал он речь Навала, рассказал, о том великом оскорблении, которое нанес муж Авигеи посланцам Давида. А ведь войско Давида охраняло пастухов в горах! С какими трудностями столкнулись бы пастухи, если бы смелые воины не оберегали их от диких животных и разбойников! «Они никогда не обижали наших людей, — говорил слуга, — а их так оскорбили! Черная неблагодарность! Подумайте, госпожа, что можно сделать. Знаю, страшная участь ждет хозяина и нас, его слуг, — не оставит Давид этот проступок безнаказанным. А хозяин такой злой, что к нему невозможно подступиться».

Последних слов Авигея уже не слышала. Когда слуга вскинул глаза, ее и след простыл. И понял он: хозяйка готова что-то предпринять. И все, кто присутствовал при этом разговоре, надеялись на Авигею, как на ангела-хранителя, который сумеет отвести от них беду.

А что Авигея?

Знаете ли вы, что чувствует сердце, когда кто-

то причиняет зло тому, кого оно любит? Когда того, кто ему дорог, заставляют страдать? Хотите знать? Спросите у Авигеи.

Бывают минуты, когда мысли успевают смениться столько раз, сколько порой и за час не сменяются, минуты, когда сердце чувствует столько, сколько иногда и за день не почувствует. Так случилось и с Авигеей.

То, что было у нее на сердце, то, о чем думала молодая женщина, словами описать нельзя. Это знал только Господь, перед которым она в своей комнате преклонила колени.

Пока бежала Авигея к себе, ей стало ясно, сколь сильно нанесенное Давиду и его воинам оскорбление. Молодая женщина представила, как вернутся посланцы к царю, как выслушает их помазанник Божий, — представила и поняла, что за этим последует. Он, до сегодняшнего дня сражавшийся только на стороне Господа, осквернит свой меч в личном бою, из мести. По людским законам это справедливо, но тогда Давид перестанет быть тем человеком, за которого молились израильские женщины. И представила Авигея невинных слуг Навала — ее добрых друзей,

сынов и дочерей израильских, которые любили Давида, — мертвыми.

Первым делом Давид убил бы ее мужа. Да, Навал злой человек, но он ее супруг и она должна его охранять.

Она обязана спасти себя и мужа! Но что же ей делать? Пойти к Навалу? Не будет он ее слушать. А время не вернешь. Послать Давиду кушанья? Он их не примет. А что, если тайком от мужа поехать к Давиду?

Да! Ей надо отправиться к Давиду и просить его о милости. Прямо сейчас. Пока не поздно. Но что, если Навал возьмется ее искать?

На таких пирах, как правило, женщины не сидели вместе с мужчинами. Но иногда, когда Навалу хотелось похвастаться красотой молодой жены, он звал ее и давал какое-нибудь незначительное поручение. А вдруг она понадобится ему сегодня? Что скажут Навалу слуги — хозяйка уехала? И куда? В такой день она посмела оставить дом?! Уехала к Давиду с дарами?!

Страшно подумать, что могло случиться, если бы Навал узнал, куда поехала жена.

В отчаянии заломила Авигея белые руки. И

так — смерть, и так — смерть. Либо придет Давид с войском и убьет их всех, либо убьет ее Навал, когда узнает, что она натворила. Но только миг длился этот бой со страхом смерти, только несколько минут понадобилось Авигее на размышление, а потом победила любовь.

«Прежде чем умирать, — решила молодая женщина, — попытаюсь спасти их обоих. С Божьей помощью».

И пока гости с хозяином пировали в доме, во дворе, выполняя распоряжение хозяйки, сутились слуги: седлали ослов, навьючивали на них корзины с провизией.

Каждый пастух, каждый слуга умолял Авигею взять его с собой, ведь она шла просить о милости, а значит, спасти их всех. Даже Навал не мог отказать ей в просьбе! Так неужто откажет Давид? Нет, не может он не сжалиться над такой женщиной.

Но Авигея взяла с собой всего несколько человек — остальные должны были остаться дома и притворяться, будто ничего не произошло. Женщины поклялись хозяйке, что сделают все, чтобы Навал не заметил ее отсутствия. Они были благо-

дарны ей за то, что не только ради мужа она подвергала себя такой опасности, но и ради их детей.

И вот Авигея отправилась в путь.

Дорогой, пока ехала молодая женщина к горе Кармель, сердце ее успокоилось молитвой, мысли перестали путаться, глаза увидели красоту мира.

И тут вдали показался отряд из четырехсот воинов; мужчины стремительно приближались к Авигее. Все ближе и ближе подходили они, все ярче и ярче сияли их доспехи в лучах предзакатного солнца. Внезапно огненное светило, играя золотыми кудрями шагающего впереди воина, сотворило вокруг его головы некое подобие нимба.

При виде этого человека молодая женщина вновь почувствовала себя маленькой девочкой. Она вспомнила возвращавшееся с войны войско и юного пастуха, героя, спасителя ее народа. Словно наяву услышала она голоса: «А Давид поразил десятки тысяч!» — и увидела мысленным взором золотовласого юношу. Да, это был он, Давид! Спустя годы они встретились вновь. Но это уже был не юноша, а статный красивый муж — хотя и несколько печальный.

Внезапно отряд остановился. Почему? Из-за Авигеи. Освещенная солнцем, она была поразительно хороша. В эту минуту даже слугам Навала показалось, что их госпожа прекрасна как никогда. На ней было нарядное платье. Волосами играл легкий ветерок. Гибкий стан, нежные тонкие руки, дрожащие пушистые ресницы. Ею залюбовался бы каждый.

А через минуту она легко спрыгнула с ослика и упала на колени перед златовласым воином.

Берет на себя вину мужа Авигея, клянется, что не знала о приходе посланцев Давидовых, говорит, что сожалеет о нанесенном им оскорблении. Просит ее выслушать. Объясняет, что муж ее безумен, что он безбожник. До сих пор Давид был введом Господом, продолжает Авигея, и всегда прощал, и никогда не опускался до мести. Знает она, что Всевышний обещал ему царство. Так пусть все его враги будут такими, как Навал, с которым Господь сам сумеет разобраться, а Давиду незачем осквернять себя небогоугодным делом.

Так горячо молит она Давида, простирая к нему руки, а в глазах ее светятся любовь и преданность.

«Если восстанет человек преследовать тебя и искать души твоей, то душа господина моего будет завязана в узле жизни у Господа Бога твоего, а душу врагов твоих бросит Он как бы пращею.

И когда сделает Господь господину моему все, что говорил о тебе доброго, и поставит тебя вождем над Израилем, то не будет это сердцу господина моего огорчением и беспокойством, что не пролил напрасно крови и сберег себя от мщениия.

И Господь облагодетельствует господина моего, и вспомнишь рабу твою [и окажешь милость ей]» (1 Цар. 25:29–31).

Только тогда, когда мы просим не за себя, когда перед многими свидетелями вынуждены пасть к чьим-нибудь ногам, моля о пощаде, только тогда дарит нам Господь великую смелость говорить правду.

Мужественный поступок Авигеи спас Давида. А также ее саму, ее мужа и всех ее домочадцев. Выслушал молодую женщину златовласый воин и отыскал дорогу, ведущую на Божий путь, с которого он свернул из-за обиды. Нашел Давид

и самого себя. Дух Святой — Он вынужден был отступить, когда сердцем молодого человека овладел гнев, — теперь мог вернуться. И Он вернулся!

Обратился с ласковым словом Давид к Авигее. Признался, что собирался стереть с лица земли дом Навала и убить всех его обитателей. Что отдал приказ никого не щадить — чтоб наутро в этом проклятом доме даже собака не тявкнула. Но сейчас, глядя на стоящую перед ним красивую и кроткую женщину, он осознал, что едва не совершил непоправимую ошибку. Смотрел Давид на Авигею и думал о том, что ее — такую прелестную, добрую, совершенную телом и духом, невинную и набожную — и ее бы убили по его повелению. И ее!

Одержала Авигея победу. Да такую великую, что принял Давид дары из ее рук! И ведь он знал, чего стоило ей принести их. Он — народный герой — чувствовал: эта женщина не уступит ему в мужестве.

«Выслушал я твою просьбу и узнал тебя, — сказал он ей на прощание. — Благословен Господь, пославший тебя мне навстречу. Благословенны

твои речи, благословенна и ты — удержала ты меня, и не пролил я кровь, и не отомстил самому себе. А теперь ступай спокойно домой».

Прощальный взгляд — и воины поклонились молодой женщине и пустились в обратный путь.

Достигнув поворота дороги, увидели они Авигею еще раз. Стояла она все на том же месте и смотрела им вслед. И еще раз поклонились они ей.

А когда скрылись мужчины за поворотом, отважная женщина отправилась домой, не зная, что ее там ждет. Но она ощущала такую радость, оградив от гибели и Навала, и Давида! Поняла в эту минуту Авигея: если уж придется ей умирать, она умрет со спокойной душой.

К счастью, дома все было спокойно: Навал ни разу не спросил о жене.

Узнав, что Авигея спасла им жизнь, работники вздохнули с облегчением и спокойно сели ужинать. На руках бы они носили своего ангела! Слуги, присутствовавшие при встрече Авигеи и Давида, рассказали за столом, какую страшную беду отвела от их дома хозяйка. Никого бы в живых не осталось, если бы не она.

Эх, какой пир начался в Маоне!

Смолкли пищали и трубы, а с Кармея в долину неслось: «Господь — пастырь мой».

Ах, да, Господь был с ними, но был Он и с их царем Давидом.

4

«И пришла Авигея к Навалу, и вот, у него пир в доме его, как пир царский, и сердце Навала было весело; он же был очень пьян; и не сказала ему ни слова, ни большого, ни малого, до утра.

Утром же, когда Навал отрезвился, жена его рассказала ему об этом, и замерло в нем сердце его, и стал он, как камень.

Дней через десять поразил Господь Навала, и он умер.

И услышал Давид, что Навал умер, и сказал: благословен Господь, воздавший за посрамление, нанесенное мне Навалом, и сохранивший раба Своего от зла; Господь обратил злобу Навала на его же голову. И послал Давид сказать Авигее, что он берет ее себе в жену.

И пришли слуги Давидовы к Авигее на Кармил и сказали ей так: Давид послал нас к тебе, чтобы взять тебя ему в жену» (1 Цар. 25:36—40).

Наступило утро. В доме царила обычная будничная суэта. Наконец появился и протрезвевший Навал — не выспавшийся, злой, как и любой пьяница с похмелья. Встреча с ним была для Авигеи не тяжелее того, что довелось ей пережить вчера из-за его отвратительной выходки. Всю ночь просила она Господа укрепить ее дух и даровать смелость для того, чтобы могла она рассказать мужу о случившемся. Молодая женщина надеялась, что Навал смягчится, узнав, что отвела она от него смерть. И когда тот протрезвел окончательно, пошла она к нему в комнаты — ведь должна она была ежедневно подсчитывать убытки и доходы.

А потом пришел момент, из-за которого молилась она ночью Господу. Какими словами описывала Авигея Навалу то, что вчера случилось, она бы и сама сказать не смогла.

Но Тот, Кто вчера помог ей, помог и сегодня, — сумела она дать понять мужу, сколь глубока его

вина, сколь мерзок его поступок. И он не ругался, не вымещал на ней злобу! Ни слова не произнес Навал — не сказал, что хотел бы вместе с Авигеей помолиться, поблагодарить Господа за то, что отвел Он лютую смерть от их дома. Молчал! Сердце и лицо остались у него каменными; целых десять дней сидел Навал без движения, пугая своим видом жену и слуг. А на десятый день вдруг стало на улице тихо — зловеще тихо, как перед бурей. Люди со страхом ждали раскатов грома. Они понимали: происходит что-то странное — вот-вот молчаливые уста Навала разомкнутся. Все жалели хозяйку, на которую мог обрушиться тяжкий гнев хозяина.

Раздался раскат грома — только один — и не стало того, кто затеял мысленный поединок с Богом. Рука, которая не хотела подняться в благодарности, теперь вообще не могла подняться. Уста, молчавшие десять дней, сомкнулись навеки.

И больше никогда в Маоне не слышали грубого голоса Навала.

«Умер и богач, и похоронили его» (Лк. 16:22).

Так можно сказать и в этом случае.

Великую милость явил Господь Навалу в тот

день, когда позволил войти в его дом своему дитя, невинному и кроткому; и принесло это благонравное, чистое создание в жилище богача свет Божьей любви. Но он этого не понял. Так и умер в душевных потемках.

Ах, как жаль!

Не знаю, были ли у Навала кровные родственники — братья, дядья — знаю одно: его хозяйство наследовала молодая вдова, под властью которой, как под властью ангела, все плодоносило и благоухало.

Прошло время.

Снова засветился день на Кармеле. Пересвистывались птицы, источали дивные ароматы цветы, солнце золотило горы. А в Маоне царил радость — в доме Авигеи встречали гостей. Вновь пришли сюда посланцы Давидовы, однако на этот раз по приглашению хозяйки.

Но как же удивилась она, когда поняла: не хотят ее гости того, что им предлагают — они желают большего, ибо прибыли сюда по велению Давида, помазанника Божьего. Просит их предводитель руки Авигеи Кармельской. И задали посланцы молодой женщине вопрос, готова ли она

разделить с Давидом изгнание? Он же, получив трон, разделит с ней свою славу. Стоит ли говорить, что ответ Авигеи был радостным и для нее и для Давида?

Глядя на прекрасный дом молодой женщины, воины засомневались, что она бросит все и уйдет за Давидом. А он никогда не примет богатства ее. Авигее предстояло сделать шаг, который коренным образом менял ее жизнь. Еще сегодня — богатая вдова, а завтра — жена изгнанника, не имеющего даже собственной подушки.

Но Авигея не сомневалась. И когда подняла она голову и глазами полными слез взглянула на посланцев Давида, они поняли, к какому решению пришла эта необыкновенная женщина.

— Я готова идти к Давиду, служить ему, облегчать его тяжкую участь. — Голос Авигеи дрожал от счастья, ведь ее сердце давно стремилось к Давиду.

Довольные воины поспешили с радостной вестью к своему предводителю.

А что же Авигея?

На скорую руку привела она в порядок дела, перепоручила хозяйство надежным людям, поза-

ботилась о слугах. И в сопровождении пяти девушек (они полностью разделяли ее взгляды и считали Давида своим царем и ради него готовы были терпеть любую нужду) отправилась в пустыню.

Стоя на перекрестке дорог, она глянула в последний раз на свой дом. И пред глазами молодой женщины промелькнула вся ее замужняя жизнь — с самого первого дня, когда принесли ее к Навалу на свадебных носилках. Вспомнила Авигея о том, как жила здесь с нелюбимым мужем, как однажды увидела бездну, разделяющую их.

Авигея понимала, что уходит из богатства в нищету, что из госпожи превращается в служанку — но она делала это по собственной воле и с полного Божьего согласия. И она была счастлива. Молодая женщина знала, что куда бы ни шел Давид, она пойдет следом, и что живой Бог всегда будет на их стороне. А еще, прислуживая Давиду, сыну Иессея, заплатит она долг всех женщин израильских человеку, спасшему их от плена.

* * *

Не так уж легко найти в Слове Божиим историю, которая может служить аллегорией спасения души Иисусом Христом.

Там, на Голгофе, в тот знойный день, когда нес Сын Человеческий крест свой, гонимый и преданный людьми, Он был единственным героем, сражающимся за нас. И хотя Он вынужден был заплатить своей молодой жизнью за этот подвиг, на веки вечные спас Он души людей. И тех, что давно ушли, и тех, что жили рядом с Ним, и тех, что живут сейчас, и тех, что будут жить после нас.

Всем этим людям, которые приняли Его за своего Спасителя и пали к Его ногам, людям, которые учились любить Его, отчего в сердцах человеческих вспыхивал благодатный свет, Он обещал: я сделаю все, чтобы вы узнали Господа. И люди оставляли все и шли за Ним. По собственной воле, по любви, делили с Ним изгнание, ждали Его воцарения, создавали наикрасивейшие драгоценности в Его короне и знали, что вместе с Ним войдут в царствие Его.

О, душа моя, чем порадуешь ты своего Спасителя? Даришь ли ты Ему любовь свою? И если тебе пообещают вечность, готова ли ты бросить

рай и идти за Ним в пустыню? Смеешь ли ты петь
сердцем:

Пойду за Ним, куда бы ни повел,
Пойду за Ним в царствие небесное!

Чистое сердце

Кристина Рой родилась в 1860 году в большой многодетной семье. Семья Роев жила на западе Словакии в древнем городе Стара-Тура, что расположен у подножия Белых Карпат. Четыре дочери (пятым был сын Ярослав) унаследовали от родителей набожный образ жизни. Род Роев и Голубовских (по матери) славился духовными делами. Отец Кристины был воспитанником идеолога словацкого национально-освободительного движения, филолога и поэта Людовита Штура. Тридцать семь лет служил Августин Рой священником. По инициативе семьи евангелическая церковь, где он трудился, стала местом народных собраний и встреч церковных представителей.

Кристина и ее сестра Мария жили замкнуто и редко появлялись в свете. Но в старотуринской церкви кипела культурная жизнь, так что девушки встречались со многими церковными деятелями, да и другими людьми тоже. Со временем Кристина сдружилась со своим дядюшкой Людовиком, священником одной из церквей в Земиакском Подграде. Самые тесные отношения связывали будущую писательницу и с другим ее дядей — Павлом Роем, служившим сначала капланом в городе Стара-Тура, а затем пастором в Кохановицах и Пуховее. Именно у него многому научилась Кристина на своем пути обращения к Господу.

Сестры так и не окончили школу, однако это не мешало им шаг за шагом постигать духовный мир и приобщаться к литературе. Обе научились играть на клавишине. Мария была больше одарена музыкально, Кристина же открыла в себе талант писательницы.

Сестра Кристины Людмила стала женой пастора Людовика Чулика — преемника Августина Роя. Кристина и Мария замуж так и не вышли (известно, что Кристина питала нежные чувства к старотуринскому каплану Рогачку, который умер

молодым). После смерти отца они вместе с матерью вынуждены были переселиться в другой дом.

Тому, кто захочет познакомиться с жизнью Кристины Рой, следует прочесть ее автобиографическую книгу «За светом и со светом», написанную в 1895 году по-немецки. Словацкое издание вышло только в 1928-м.

Из этой книги мы узнаем, что духовный мир Кристины развивался под воздействием Священного Писания, которое она впервые прочла ребенком (известно, что в течение жизни она перечитывала Библию 49 раз).

Всего год Кристина и Мария учились в школе, потом еще год изучали немецкий. По вечерам сестры читали вслух популярные романы на немецком языке и придумывали сообща сказки. Иногда играли на клавесине. Мария немного сочиняла музыку.

Переломным для сестер Рой стал 1888 год. В тот год, в сентябре месяце, они познакомились со сказителем Костомальским. Это знакомство имело для Кристины очень важные и благие последствия. Костомальский помог ей попасть в мис-

сию — там будущая писательница услышала многое из того, что пронесла через всю жизнь.

Можно сказать, что учителем Кристины была церковь. А литература стала для нее посредником между душой и царствием небесным. Так говорила сама Кристина. По словам писательницы, ее книги подарил ей Бог. Читая их, в это невольно веришь.

Писательский труд сделал имя Кристины Рой известным. Читатели полностью ей доверяли. Ведь она обладала удивительным даром — даром любви и веры. «Ее рукописи чаще всего держали руки мозолистые, для которых перо было тяжелее топора. А от ее слов, — писал Я. Мартак, — смягчались самые каменные сердца, люди учились любить, а не ненавидеть ближнего своего».

Первым серьезным опытом в литературе для Кристины Рой стала книга «Без Бога на свете». Это произведение Кристина написала по заказу некоего Бэжу в 1893 году. Когда повесть была готова, писательница прочла ее знакомым детям и только потом отправила заказчику. Так началось странствие маленького Мартина по миру. Книга эта была переведена на многие языки и переиздавалась более шестидесяти раз.

У повести «Без Бога на свете» печальный конец. Ее главный герой умирает. Однажды издательница Кристины Рой получила письмо от незнакомой женщины из Америки, которая прислала семена цветов и просила посадить их на могилку Мартина. Вот такой читательский отклик получила эта небольшая книжечка.

Кристина Рой хорошо понимала детей. Тот, кто читал ее сказки «Как капелька путешествовала», «Как умирал соловушка», «Петерко», оценит их безыскусность, теплоту и сердечность.

Среди самых знаменитых книг Кристины Рой («Бродяги», 1901, «Слуга», 1903, «Счастье», 1903, «Дорогой ценой», 1903, «В стране солнца», 1910) — сборник «Песни Сионские». Эта книга — плод совместных усилий Кристины и Марии. В сборник входят 53 песни без мелодий, 174 с известными мелодиями, 115 мелодий, придуманных Марией, и 58 — Кристиной. Причем только 28 текстов не принадлежат сестрам. Мария написала 117 текстов и сделала 103 перевода, а Кристина написала 95 текстов и перевела 55. Две песни были созданы сестрами в соавторстве. В целом песни Марии лучше песен Кристины, так что Марии по

праву принадлежит титул словацкой народной сочинительницы гимнов. Так поделили сестры свои таланты.

В книгах Кристины и Марии звучат не только религиозные мотивы. Социальные проблемы — такие, как, например, алкоголизм — тоже нашли отражение в их творчестве, особенно в рассказах Кристины.

Как писательница Кристина Рой выросла из веры. Она жила верой, верой дышали ее книги. Она писала так, как жила.

Истинная дочь своего народа, Кристина страстно желала увидеть Словакию свободной, и это тоже нашло отражение в ее книгах.

Благодаря историку Юраю Потучку, выпустившему в 1956 году в свет Собрание сочинений писательницы, у современных читателей сложился целостный литературный образ Кристины Рой.

В 1911 году Кристина помогла открыть в городе Стара-Тура небольшую больницу. Кроме того, под руководством писательницы были построены приют для престарелых и приют для детей. Социальная работа Кристины принесла ей заслуженное уважение и благодарность людей.

Кристина Рой скончалась 1936 году. Мария умерла двенадцатью годами ранее.

Все свои духовные силы вкладывала Кристина Рой в то, что писала. Она знала, как исполнить завет: «Что бы вы ни сделали для кого-то, сделали вы это для меня».

Примечания

¹ Земли ханаанские (Ханаан) — древнее, доизраильское название территории Палестины, Сирии и Финикии. С XIII в. до н. э. началось завоевание Ханаана израильскими племенами.

² Самария — древний город, переименованный позже в Себасту, ныне Себастья, а также местность в Центральной Палестине (на границе между Галилеей и Иудеей). Самаритяне произошли от слияния древнеизраильского населения с бывшими обитателями Двуречья, насильно переселенными ассирийцами в Самарию в VIII в. до н. э.

³ Сирия — в древности страна в Малой Азии, между Евфратом, Средиземным морем, Таврскими горами и Аравией. Ее территория не совпадает с территорией современной Сирии. На этих землях сохранились многочисленные архитектурные памятники эпохи раннего христианства. В VII в. н. э. Сирию захватили арабы.

⁴ Иордан — главная река Палестины; впадает в Мертвое море. Один из центров зарождения христианства. По преданию, в Иордане крестился Иисус Христос.

⁵ Авана (совр. Барда) — река, в долине которой располагается Дамаск.

⁶ Фарфар (совр. Нахр-эль-Аваг) — река, протекающая южнее Дамаска.

⁷ Ливанские горы (Ливан) — горный хребет, протянувшийся вдоль восточного побережья Средиземного моря. Находится на территории современного Ливана. В древности славился кедровыми рощами.

⁸ Озеро в исторической области Палестина, на территории Израиля (восточное побережье на границе Израиля и Сирии). Лежит в тектонической впадине Гхор на 212 м ниже уровня моря. Через это озеро протекает река Иордан. Связано со многими моментами жизни Иисуса Христа.

⁹ Мертвое море (Асфальтовое море, Лотово море) — бессточное озеро на Ближнем Востоке, в Иордании и Израиле. Соленость воды в нем 7,5 раза больше солености морской воды, вследствие чего в нем отсутствует органическая жизнь. Название «Мертвое море» вошло в обиход благодаря ученому-богослову, одному из отцов Церкви Иерониму (347–419).

¹⁰ Масличная гора — невысокая горная гряда с несколькими вершинами, тянущаяся с севера на юго-восток Иерусалима.

¹¹ Финикийский приморский город-государство, название которого происходит от вавилоно-ассирийского *surgi* — скала. Основан в 4-м тыс. до н. э. После 1200 г. до н. э. Тир становится одним самых могущественных городов Финикии. Экономическое значение города основывалось на производстве стекла, пурпурной краски и пурпурных тканей. В 638 г. перешел во владение арабов-магометан. Ныне на этом месте расположен ливанский город Сур.

¹² Древний город-государство в Финикии, на восточном побережье Средиземного моря. Современная Сайда. Название «Сидон» переводится с финикийского как «место для рыбной ловли». Основан в 4-м тыс. до н. э. Во 2—1-м тыс. до н. э. крупный международный центр торговли. Захвачен арабами в 637 г.

¹³ Аравия — область в Азии. По преданию, земли царицы Савской находились в Южной Аравии.

¹⁴ Нубия — в древности страна, расположенная по обеим сторонам Нила, к югу от египетского города Сиена (совр. Асуан). Помимо золота, слоновой кости, ладана, эбенового дерева, страусовых перьев, шкур пантер поставляла в соседние страны рабов и наемников.

¹⁵ Талант — самая крупная единица массы и денежно-счетная единица Древней Греции, Египта, Вавилона, Персии и др. областей Малой Азии; у древних евреев — около 33,510—36,600 кг.

¹⁶ Сивилла — в античной мифологии ясновидящая, получившая от богов дар предсказания. Ее пророчества, как правило, грозили бедой.

¹⁷ Служители храма у древних евреев. Происходили из израильского колена Левия.

¹⁸ Мф. 12:42.

¹⁹ Лк. 17:32.

²⁰ Сигор — небольшой город на южном побережье Мертвого моря.

²¹ Тимпан — древний ударный музыкальный инструмент, напоминает барабан с широким ободом, на который с двух сторон натягивалась кожа. На тимпане, как правило, играли женщины.

²² Кимвал — древний ударный инструмент, состоявший из двух медных тарелок или чаш.

²³ Сокхоф (Сохо; Соко) — город к западу от Вифлеема, на границе с землями филистимлян.

²⁴ Маон (совр. Кирбет-Маин) — город, находящийся южнее Хеврона и Кармеля.

²⁵ Кармил (Кармель) — здесь: город юго-восточнее Хеврона.

²⁶ Находится в одноименном национальном парке в Израиле, близ побережья Средиземного моря, к югу от Хайфы. Высота 528 м.

²⁷ Быт. 24:58.

Кристина Рой
БИБЛЕЙСКИЕ ХАРАКТЕРЫ

Редактор — Ю. Минакова
Переводчик — В. Михайлюк
Корректор — Ю. Селезнева
Художник — З. Рамазанова
Компьютерная верстка — А. Кодак

УМО «Свет на Востоке»,
ул. Хорольская, 30, г. Киев, Украина, 02090
Тел.: 044-296 86 39
E-mail: sns@sns.org.ua
<http://www.liokniga.com.ua>

Эти и другие книги
издательства
«Свет на Востоке»
вы можете приобрести,
посетив наш книжный
магазин в Интернете
по адресу:
www.liokniga.com.ua

